

Военные
Приключения

ТРАНЗИТА НЕ БУДЕТ

ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ

Дмитрий Станиславович Федотов

Транзита не будет

Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6023435

Транзита не будет : роман / Дмитрий Федотов: Вече; Москва; 2012

ISBN 978-5-9533-4883-6

Аннотация

Торговцы наркотиками решают освоить новый маршрут для своего товара – через территорию Российской Федерации из сопредельного Казахстана. Всё продумано и просчитано, но удастся ли им реализовать свои планы? Ведь на пути бизнесменов-преступников встают не только российские пограничники и сотрудники правоохранительных органов, которым это положено по долгу службы, но и таинственный Мститель – а у него свои счёты с производителями «белой смерти»...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	44
Глава 3	62
Глава 4	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Дмитрий Федотов

Транзита не будет

© Федотов Д.С., 2012

© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Афганистан. Провинция Кандагар. Окрестности Тахиапуля.

Январь 201... года

«Ночной ястреб» взбил рыжую пыль на окраине кири¹ Амаль, когда белое зимнее солнце едва коснулось вершин недалеких гор. Винтокрылую машину никто не встречал, если не считать двух подростков, сидевших на ограде крайнего дома. Из вертолета выпрыгнул невысокий человек, одетый в комбез военного образца без знаков различия и американские берцы. Ни оружия, ни вещей у прилетевшего не было – только небольшой планшет на широком ремне. Со стороны могло показаться, что мужчина завернул на минутку к знакомому поздороваться и выпить чашечку кофе – такой уверенной и неспешной походкой он двинулся к селению, похозяйски оглядывая дома и лишь на пару секунд задержав взгляд на мальчишках.

Однако едва незнакомец скрылся за углом ограды, как один из подростков выудил из-за пазухи черный «кирпичик» полевой рации и сказал в микрофон:

– Дада². Это Юнус. Американец прилетел.

¹ Кири – небольшой поселок пуштунов, состоящий из домов близких родственников; обычно носит название рода, его основавшего.

² Дада – папа, отец (пушту).

– Молодец, зой³! – прогудело в ответ. – Возвращайся домой.

Мальчик спрятал рацию, и они с другом разом сиганули с ограды во двор.

Приезжий меж тем миновал узкий проулок, поднялся на холм и остановился перед калиткой, за которой возвышался двухэтажный саманный дом. Но не успел мужчина постучаться, как калитка распахнулась, и в проеме возник молодой пуштун в традиционной одежде, но с автоматом Калашникова на плече. Парень сложил руки в приветствии и без улыбки произнес:

– Заходи, спин⁴. Тебя ждут.

Гость не удостоил охранника ответом и молча проследовал за ним в дом. В большой комнате на первом этаже вокруг богатого дастархана⁵ действительно расположились несколько мужчин-афганцев разного возраста. Они сидели на больших ярких подушках и пили чай, а перед ними на низком столике исходило паром огромное блюдо с пловом. Рядом стояли тарелки и чаши с фруктами и медом. Отдельно горками были насыпаны очищенные фисташки и миндаль.

Появление гостя заметил, казалось, только хозяин, сидев-

³ Зой – сынок (пушту).

⁴ Спин – белый (пушту).

⁵ Дастархан – от персидского *dastarkhan* – буквально «ханское угощение»; обычно обильное угощение для дорогих гостей, состоящее из фруктов, сладостей, шербета, плова и пр.

ший напротив входа. Он аккуратно поставил пиалу с чаем на подставку перед собой, поднялся и подошел к застывшему в дверях мужчине. Только тогда улыбнулся и протянул руку в европейском приветствии.

– Здравствуй, Джеф! Рад тебя видеть.

– Здравствуй, Амаль, – довольно холодно ответил гость. – Что празднуешь?

– Друзья приехали, давно не виделись – вот и праздник! – преувеличенно весело произнес хозяин дома. – А теперь и ты к нам присоединился...

– К сожалению, мне праздновать нечего, – не принял шутки американец. – А вот предложить вам кое-что собираюсь. Но боюсь, вам это не понравится.

– Джеф, зачем так мрачно? – Хозяин обнял его за плечи и повлек к остальным, молча наблюдавшим за происходящим. – Садись, выпей чаю, отведай этого замечательного плова, который приготовил мой любимый племянник Бабрак!..

Мужчина нехотя присел с краю дастархана, взял поданную одним из афганцев пиалу, понюхал и сделал глоток. Он прекрасно знал, насколько сильны традиции у этого полудикаго, с его точки зрения, народа. За отказ от угощения хозяина можно было запросто лишиться пальца или уха.

Чай действительно оказался вкусным и ароматным. Американец сделал второй глоток и взял из горки несколько фишашек.

– Так какое у тебя предложение? – уже по-деловому обратился к нему хозяин.

– Дело в том, что мое правительство сильно озабочено возросшим за последний год трафиком героина отсюда, из Афганистана. Сенат ежегодно увеличивает бюджет Комиссии по контролю за наркотиками, а их все прибывает. Это неправильно...

Американец сделал паузу и обвел взглядом присутствующих. Лица пуштунов оставались невозмутимыми, каждый занимался своим делом и словно не слышал слов гостя.

– Афганский героин становится серьезной проблемой, Амаль.

– Это бизнес, Джеф. – Хозяин отставил пустую пиалу и потянулся к блюду с пловом. – И, кажется, у тебя в нем тоже есть скромная доля?..

– Речь сейчас не о том! Последний отчет Комиссии по наркотикам сильно возбудил президента, и он распорядился срочно провести масштабную операцию по зачистке плантаций мака и лабораторий по переработке опиума.

– Ну, так проводите. В первый раз, что ли? Только вовремя сообщите нам сроки...

– Ты снова не понял, Амаль! – Американец начал терять терпение. – Это будет не рядовая операция. Задача поставлена так, что после ее реализации вы все, – он обвел рукой комнату, – останетесь нищими. Если вообще выживите.

– Ты хочешь сказать, что в Кандагаре...

– Не только в Кандагаре. Гильменд, Забуль, даже Нимроз и, возможно, Фарах останутся ни с чем.

В комнате повисла гнетущая тишина. Потом из дальнего угла от окна раздался сиплый, надсадный голос:

– Амаль, почему ты не прогонишь этого гяура⁶? Почему позволяешь ему оскорблять наш слух пустыми угрозами?

– Это не пустая угроза, – жестко сказал Джеф. – Я, если не забыли, являюсь офицером АНБ. И мне ли не знать истинного размаха операции. Поверьте, у американской армии достаточно сил и средств, чтобы перегнать в шлак несколько ваших провинций!..

– Ну-ну, не кипятись, друг! – предупредительно поднял руки хозяин дома. – Война никому не нужна. И я думаю, у тебя есть контрпредложение?

– Есть. Если коротко: вы перенаправляете свои караваны на север и дальше на Запад, в Европу...

– Погоди, – прервал Амаль, нахмурившись. – Это не предложение! Ты же знаешь, что у нас мир с эмирами севера. Все давно решено. А теперь, по-твоему, нам снова начинать войну?

– Никакой войны не будет. Дело в том, что русские обратились к нам за помощью, чтобы прикрыть северный трафик, идущий через их территорию в Европу. У них тоже сформирована похожая на нашу структура – Федеральная служба по контролю за наркотиками. Русские с нами давно

⁶ Гяур – презрительное обозначение всех немусульман.

сотрудничают на этом поле. И вот в рамках сотрудничества наш президент согласился им помочь разобраться с северными эмирами.

Джеф сделал эффектную паузу и развел руками, дескать, теперь догадались?..

– Зачем ты нам это рассказываешь? – снова раздалось из дальнего угла. – Ты и так наговорил столько дерзостей и оскорблений...

– Амаль, я искренне сочувствую, – как ни в чем не бывало, продолжил американец, – с кем тебе приходится работать?

– Не перегибай, Джеф! – В голосе хозяина дома лязгнул металл. – Каждый может заблуждаться или чего-то не понимать. Я вот, например, так и не пойму, куда ты клонишь?

– Да это же элементарно, дружище! Русские с нашей помощью зачищают Бадахшан и соседний с ним Тахар, а вы заряжаете свои караваны и по-тихому ведете их по освободившемуся трафику... Все ваши здешние поля и лаборатории продолжают производство. Какая вам, в сущности, разница, куда гнать дурь? А так: русские отчитываются перед своим правительством об успешной операции, мы – перед своим, вы же практически ничего не теряете, кроме хлопот на переезд. – Американец наконец-то осклабился, довольный последней шуткой.

Ответных улыбок он, понятно, не дождался и преспокойно принялся за плов, причмокивая и покачивая головой от удовольствия. Остальные же молча переглядывались, потом

дружно усадились на хозяина дома и главу рода. Амаль вытер губы тыльной стороной ладони, потом вознес краткую молитву Аллаху и строго посмотрел на жующего гостя.

– Твое предложение заманчиво, но одновременно и опасно. В нем слишком много спорных мест, которые требуют к себе пристального внимания и тщательного обсуждения...

Американец перестал есть, глотнул из пиалы и поднялся.

– Я понял тебя, Амаль. Другого ответа и не ждал. Что ж, справедливо. Обсудите все, времени у вас достаточно. Но новруз⁷ вы должны встретить уже в Бадахшане.

– Иди с миром, Джеф, – кивнул пуштун и сделал знак охраннику.

Американец вышел из комнаты, и лишь тогда эмиры зашевелились и заговорили. Если бы янки услышал хотя бы часть их высказываний, он бы, наверное, усомнился в успехе своей рискованной миссии. Но он, сытый и довольный, легким пружинистым шагом прошел тем же путем обратно к вертолету и даже угостил сигаретой заскучавшего пилота.

– Как прошло, шеф? – спросил тот.

– А хрен их разберет! – Джеф сплюнул в открытую дверцу кабины и закурил. – Дикари!.. Будем надеяться, что Амаль их уговорит. Иначе у нас будут большие проблемы. Полетели, Майк, а то скоро совсем стемнеет.

⁷ Новруз (навруз) – праздник весны у мусульман, день весеннего равноденствия.

Глава 1

Россия. Западная Сибирь. Томск.

Март 201... года

Говорят, что после сорока лет человек начинает новую жизнь. С годами он приобретает мудрость, жизненный опыт, делает выводы из собственных ошибок, а не из чужих, иногда подводит некие итоги прожитого и сделанного. Или не сделанного и непрожитого?..

Последнее, по-моему, вернее. Лично я к своим сорока подошел с изрядной долей скептицизма, прагматизма и убеждением, что жизнь – очень полезная штука, если ею правильно пользоваться. И вот теперь перед вами, господа, довольный собой и самодостаточный человек, имеющий возможность заниматься тем, чем он хочет, а не тем, к чему его вынуждают государство и обстоятельства. Но я отнюдь не сибарит и тунеядец – не в моем характере. Наоборот, мои друзья и знакомые единодушно скажут каждому, что «у нашего Димыча с детства шило в заднице свербит», и, соответственно, он постоянно на нее, родимую, приключения ищет.

Чистая правда! В юности я обожал задавать взрослым вопросы, на которые в качестве ответов получал выговоры и подзатыльники. Став дипломированным врачом, я любимого занятия не прекратил. Будучи настырным, пытался выяснить, в частности, почему, невзирая на семимильные ша-

ги, что совершает наша медицина в своем развитии, больных меньше не становится, а болезни множатся, как грибы после дождя? Поиски ответов привели меня в сопредельные области знания, а затем и вовсе к откровенной паранормальщине. Из медицины меня выперли, и тогда я занялся вторым любимым делом – погоней за необычайным.

Самым интересным вариантом оказалась профессия журналиста. Она давала наибольшую свободу для моих поисков, и, в конечном счете, сделала меня тем, кто я теперь есть – частным детективом. Благо учителя и наставники мне достались даром. Шурин – начальник уголовной полиции города, лучший друг – главный опер «уголовки». Жена – красавица, умница, топ-менеджер крупной фирмы. Чего еще человеку надо?.. Не догадались?.. Приключений!

Вот именно из-за них я и стал частным детективом. Собственно, я им стал, еще пребывая в должности репортера уголовной хроники местного «Вестника». Просто однажды Лена сказала: «Ты бы уже занялся чем-нибудь одним – или статьи писать, или дела распутывать». Подумав, мы решили, что второе у меня получается лучше.

Однако на практике поначалу все пошло не блестяще. Лицензию я, конечно, приобрел, а вот с клиентами как-то не заладилось. Мелочевкой вроде слежки за неверным мужем-женой или ловли нечистого на руку партнера по бизнесу заниматься было неинтересно. И тогда я обратился к своему зятю с предложением, от которого он не смог отказаться.

– Коля, – сказал я ему, подсев с початой фляжкой «Мейкова» на очередной семейной вечеринке, – помоги своему любимому шуруину не умереть с тоски!

Николай Матвеевич Берест был человеком суровым, но совестливым. Помня прежние мои заслуги перед уголовной полицией города в распутывании сложнейших дел, где явно пахло мистикой и паранормальщиной, полковник опрокинул предложенный стаканчик забористого французского коньяка, пососал полупрозрачную дольку лайма и кивнул:

– Выкладывай!

– Давай вспомним молодость, Коль! – воспрял я духом. – Как мы с тобой ловили всяких магов, оборотней и прочую шушеру?..

– Куда ты клонишь? – моментально подобрался Берест.

– Частный детектив Котов предлагает свои профессиональные услуги родной полиции.

– Какие, к черту, профессиональные?!

– А ты до сих пор сомневаешься в моих кондициях?

– Н-нет, но... – Берест сердито засопел. – Налей-ка еще!..

Я вновь наполнил стаканчики ароматным «Мейковым».

Мы молча чокнулись и выпили.

– А зачем это тебе? – Полковник в упор посмотрел мне в глаза.

– Сотрудничество?.. – Я вздохнул. – Скучно, Коля! Мошенники, неверные мужья, амуры с начальством... Так и плесенью зарости можно. А у вас – то труп неопознанный,

то похищение, то жертвоприношение, то...

– Типун тебе!.. – отмахнулся Берест. – У нас, кстати, чтоб ты знал, уже год ничего такого не случилось. Ну, если считать с того похищения детдомовцев.

– «У вас на стройке жертвы были? – Нет. – Будут!..» – процитировал я знаменитую комедию Гайдая. – Ну, так как? Заключим джентльменское соглашение?

– Ладно. – Берест покосился на фляжку в моей руке. – Знаю, что зря соглашаюсь. Но ты ж мне родня все-таки, не приبلудный.

– Благодетель! – Я щедро плеснул ему в стаканчик коньяку. – Завтра же договорчик завезу!..

Но наутро с договором не получилось. Едва я, проводив Лену на службу, приступил к привычной утренней разминке, выполняя малый дыхательный комплекс тайцзи, ожил мобильник. Я взглянул на экран и, чертыхнувшись, прервал занятие. Если подполковник Ракитин звонит в такую рань, значит, случилось нечто из ряда вон.

– Привет, Олежек! – бодро сказал я.

– Привет, лежебока!

Если подполковник Ракитин звонит рано утром да еще при этом шутит, значит, случилось не из ряда вон, а нечто совсем хреновое.

– Ну, что у нас плохого?

– Надеюсь, Димыч, ты ничем таким не занят?

– До пятницы я совершенно свободен. – Я вздохнул. – Ку-

да ехать, Олежек?

– Дуй прямо в аэропорт. К гостинице. – Ракитин вернулся к своей обычной манере разговора. – Встретимся там через сорок минут.

Отбой. В этом весь Олег.

– Мне только собираться минут десять, – сказал я потухшему экрану мобильного. – А еще из города выбраться надо...

Конечно, я опоздал на четверть часа. Когда припарковался напротив крыльца гостиницы, то сразу увидел на нем массивную фигуру, затянутую во всепогодную черную кожаную куртку. Сержант Бульба, как всегда, бдил на посту.

– Здоровэньки булы, Стэпан Мыкытович, – произнес я с самой серьезной миной, на какую был способен. – Як життя?

– Погано, – хмуро ответил наш неисправимый хохол. – Сало е, горилки нэма.

– О, шо ж так? Грабижники видбрали?

– Ни. Москалы клятые усе випили...

Тут мы оба с ним расхохотались. Могучий сержант все же научился за пять с лишним лет нашего знакомства не обижаться на мои подколки и даже достойно на них отвечать.

– Проходите, Дмитрий Алексеевич, – почти без акцента сказал Степан. – Господин подполковник уже здесь. Поднимайтесь на второй этаж – там сами увидите.

Я прошел в вестибюль гостиницы. Если снаружи здание выглядело весьма почтенно, то внутри оно оказалось просто

старым. На мгновение у меня даже возникло ощущение временного переноса – будто шаг через дверь оказался шагом сквозь десятилетия. Лет этак на сорок в прошлое. Выщербленный мраморный пол, зашорканные диваны, разошедшиеся деревянные панели стен. За стойкой администратора – толстая тетка в синей униформе лузгает семечки и косит одним глазом в угол, где бормочет маленький, тоже старый, телевизор «Панасоник».

Я благоразумно не стал искать лифт, справедливо сочтя его неработающим, и направился сразу к лестнице.

– Молодой человек, – визгливо донеслось из-за спины, – вы к кому и по какому делу?

– По служебному! – важно бросил я через плечо, для пущей убедительности взмахнув рукой, словно показывал удостоверение.

Сменилась целая эпоха, а порядки и привычки остались прежними. Войти и уж тем более выйти из режимного учреждения, каковыми всегда являлись гостиницы, например, и сегодня не составляет никакого труда. Вошел, грохнул кого-нибудь и вышел. И даже свидетелей не найти. Как правило, никто ничего не видел и не слышал.

На площадке второго этажа меня встретил еще один сержант, из новеньких.

– Вы куда, гражданин? – пресек он мою попытку просочиться в коридор. – Вы здесь живете?

– Нет, господин полицейский, я здесь работаю.

Не люблю предъявлять документы и всегда стараюсь избежать этой процедуры. Кто-то может счесть меня параноиком, но мне кажется, что это унижительно. В данном же случае пришлось вытащить удостоверение частного сыщика, которое, впрочем, не произвело никакого впечатления на сержанта.

– На этаже работает оперативная группа из областного управления. Вам здесь делать нечего, господин детектив, – холодно сообщил он.

– Что, когда и где мне делать я решаю сам, сержант, – с трудом сдерживаясь, ответил я. Хотя прекрасно понимал, что неправ. – Меня ждет подполковник Ракитин.

– У меня нет никаких указаний на ваш счет, – уперся этот служака. – Немедленно покиньте зону ответственности криминальной полиции!

– Ну, парень, сам напросился, – выдохнул я и привычным усилием воли вошел в «темп».

На самом деле это упоительное состояние, хотя и небезопасное для здоровья. Все реакции скачком ускоряются в несколько раз, органы и системы организма переходят в режим «форсажа», за секунды сжигая энергозапас, рассчитанный на минуты и даже часы. Расплатой за «темп» обычно бывает гипогликемический шок и кислородная интоксикация мышечной и нервной систем. Тело превращается в деревянную чушку, а мозг впадает в состояние «бамбука», incapable к решению самых простых задач, вплоть до физиологи-

ческих. Но это всё происходит, если не знать, как и сколько использовать «темп». Я знал, будучи мастером русбоя – «барсом».

Войдя в «темп», я шагнул к сержанту, вынул из его кобуры «макаров» и засунул пистолет в шкаф с пожарным гидрантом. Затем снял с почти неподвижного полицейского фуражку и надел обратно, только козырьком назад, а в довершение пристегнул парня за запястье его же наручниками к ручке коридорной двери. Удовлетворив собственное самолюбие, я шагнул в коридор с гостиничными номерами и вышел из «темпа».

– А-а! – догнал меня испуганный вопль бедного сержанта.

Я не стал оборачиваться и двинулся дальше, сосредоточившись на восстановлении сердцебиения и дыхания после «форсажа». Из дверей номера в конце коридора высунулась знакомая вихрастая голова.

– В чем дело, Акимов? – грозно крикнул капитан Павел Велесов. – Привет, Дмитрий, – добавил он тоном ниже, увидев меня.

– А-а... Об-боротень, товарищ ка-капитан, – сипло откликнулся пострадавший сержант. – Держите его! – снова взвыл он, тыча в меня свободной рукой.

– Что ты там дергаешься, Акимов? – Велесов вышел в коридор и разглядел наконец незавидное положение коллеги.

– Он мне нагрубил, – сообщил я, пожимая капитану руку.

– Черт, Котов... – Павел с трудом сдержался, чтобы не

расхохотаться. – Уйди с глаз моих! Кстати, где ключи от браслетов?

– У него в нагрудном кармане.

Велесов, фыркая, отправился освобождать вконец ошалевшего сержанта, а я вошел в номер. Стандартный двухместный «гестхауз» с крохотным санузлом, телевизором, холодильником и двумя продавленными кроватями. На одной из них сейчас лежал навзничь, разбросав руки, молодой парень восточной наружности. Он был почти голым, в одних плавках и майке, а на лице его застыло выражение смертельного ужаса. На соседней кровати сидел лейтенант из оперативной группы и что-то писал в блокноте на колене. Ракитин стоял у окна и курил в открытую форточку. А эксперт-криминалист Данила Седых колдовал со своим навороченным кейсом-лабораторией в изголовье трупa.

– Доброе утро, – поздоровался я.

– Не смешно, – отреагировал Олег. – Вот полюбуйся, кажется, по твоей части есть кое-что.

Я подошел к кровати с мертвецом. Мужчина, лет двадцать пять – двадцать семь, типичные монголоидные черты лица, смуглая кожа, черные волосы ежиком. Следов физического воздействия не заметно, если не считать маски ужаса, искажившей, в общем-то, приятное лицо.

– Скорее всего казах, – словно прочитав мои мысли, заговорил Данила. – Ран и ушибов не обнаружено, равно как и признаков удушения...

– Сильно смахивает на смерть от разрыва сердца, – добавил я. – Или аорты.

– Что же могло его так напугать?

– Или – кто?..

Я заметил, что из правого кулака покойника, сжатого в предсмертной судороге, свисает петля тонкой цепочки.

– Ты видишь? – кивнул я Даниле.

– Ага. Тебя дожидались. Олег Владимирович приказал не трогать.

– Ну, тогда... – Я наклонился, осторожно разжал пальцы мертвеца и в руке у меня очутился странный медальон в виде диска Солнца, перечеркнутого змеистой молнией. – Похоже, господин подполковник прав. Это уже по моей части...

– Занятная вещица, – хмыкнул Данила.

– А документы у этого бедолаги нашли?

– А как же. – Седых протянул мне небольшую сумку из тех, что носят на поясе или ремешке через плечо и хранят в них паспорт, водительские права и всякую мелочь.

Я вытащил из сумки потрепанную темно-синюю книжицу со знакомым гербом.

– «Государственный герб Республики Казахстан представляет собой изображение шанырака⁸ на голубом фоне, от которого во все стороны в виде солнечных лучей расходятся уйки⁹ в обрамлении крыльев мифических коней...» – тор-

⁸ Шанырак – верхняя сводчатая часть юрты у казахов.

⁹ Уык – опора юрты.

жественно-заунывным голосом проговорил я, отставив руку с паспортом на отлет.

Данила прыснул, лейтенант глянул на меня отсутствующим взором, а Ракитин выбросил окурок в окно и покачал головой.

– И когда ты повзрослеешь, Димыч?

– А зачем? – пожал я плечами.

– Что это было? – поинтересовался Седых.

– Я просто процитировал официальное описание герба Казахстана...

Олег только крикнул на эти слова.

– И что делал этот казах в провинциальном сибирском аэропорту? – Я пролистал паспорт. Отметки погранслужбы были на месте. А вот в боковом кармашке сумки обнаружился посадочный талон на рейс КС-217 авиакомпании «Эйр Астана» из столицы Казахстана до Новосибирска. – Интересно! А как наш «заграничный брат» попал в Томск?

Я протянул талон Ракитину. Олег повертел его в руке, и в этот момент в номер вернулся Велесов. Он был хмур и раздражен.

– Куда ты дел пистолет? – резко спросил он.

– У меня его нет, – честно признался я. – Посмотри в пожарном шкафу у лифта.

Павел открыл рот, явно не для того, чтобы меня поблагодарить, но Ракитин его опередил:

– Димыч, забирай медальон и вали отсюда! А ты, Велесов,

займись-ка выяснением. – И он перебрал рассерженному капитану мою находку.

Павел молча взял под козырек и удалился. А я сказал:

– Данила, когда будут результаты вскрытия, звякни мне по старой дружбе.

– Не вопрос, Дмитрий Алексеевич, – улыбнулся Седых. – А вы мне про медальон чего-нибудь расскажете?

– Сейчас – совсем немного. Вещица странная. Судя по изображению, что-то дохристианское и явно не из Европы. В то же время выглядит достаточно свежо, то есть изготовлена недавно – ни потертостей, ни выщерблин, ни патины... Пойду, покопаюсь в библиотеке, посоветуюсь кое с кем. И, кстати, у меня есть в университете знакомый химик, так что выясню заодно насчет сплава.

Я пожал руки господам полицейским и осторожно выглянул из номера, но, к моему удовольствию, зануды-сержанта на посту уже не было. Приободрившись, я отправился в город. Знакомый охотничий азарт уже захватил сознание: выяснить происхождение медальона, его значение, установить связь с владельцем. Привет мистеру Холмсу!

* * *

Поскольку был четверг, можно сказать, самый разгар рабочей недели, я из аэропорта прямиком поехал в Университет. Именно так, с прописной буквы. Потому что в нашем

небольшом сибирском городе этих высших учебных заведений со времен распада советской империи целых пять. А каждый шестой житель Томска – студент! Недаром наш старинный город еще до Первой мировой войны прозвали Сибирскими Афинами как раз за то, что в Томске был открыт первый за Уралом Университет Его Императорского Величества Академии Наук. В общем, наш Универ, как ласково его называют томичи, и поныне остается центром научной мысли, имея в своем составе аж девять научно-исследовательских институтов! В один из них, историко-археологический, я и направил свои стопы.

За свое недолгое журналистское прошлое я успел обрасти множеством полезных и не очень знакомств и связей. И вот теперь вовремя вспомнил об одном из интересных людей – Иване Михайловиче Городихине, докторе исторических наук, специализировавшемся на античном периоде азиатских культур. Своеобразным «коньком» Ивана Михайловича была история античных религиозных культов азиатских народов.

Городихина я обнаружил там, где и рассчитывал, – в отделе редких документов университетской библиотеки. Профессор с увлечением читал какой-то древний манускрипт и очнулся только от моего прикосновения. Постукивание по краю стола, покашливание ни к чему не привели, пока я деликатно не тронул ученого за локоть.

– А-а, Дмитрий Алексеевич, – рассеянно ухмыльнулся в

роскошные «кошачьи» усы Городихин. – Давненко вас не видел.

– Добрый день, профессор, – лучезарно улыбнулся я. – Не поверите: соскучился по вашим изумительным рассказам о загадках прошлого!

– Неужели?.. Гм-м. И о чем же вы хотели бы услышать на сей раз?

– А я вас не очень отвлеку?

– Молодой человек, вы меня уже отвлекли. Так что давайте оставим церемонии с извинениями и перейдем к делу.

«Вот так, господин Котов, примите плюху и скажите спасибо!» Кажется, я все-таки покраснел. Во всяком случае, ощущение, что к ушам поднесли зажигалку, оказалось достаточно явным.

– Извините, – все же пробормотал я и попробовал придать лицу озабоченное выражение. – Постараюсь покороче. Сегодня утром коллеги из органов пригласили меня на место преступления. Найден труп молодого мужчины без следов насильственной смерти. Из необычного, а меня зовут именно в подобных случаях, я обнаружил только маску ужаса на лице и еще вот это.

Я положил медальон поверх разложенных на столе бумаг. Городихин моментально схватил находку, вынул из нагрудного кармана пиджака неизменную лупу и принялся рассматривать медальон.

Молчал профессор минут пять. Я терпеливо ждал, следя

за выражением его лица. Неподдельный интерес, задумчивость, догадка, озарение и, наконец, торжество знания.

– Ну-с, Дмитрий Алексеевич, где, вы говорите, это нашли?

– Медальон был зажат в правом кулаке погибшего...

– Во-первых, это – не медальон! – поучающее перебил Городихин. – Это – соляр, нагрудный знак жреца культа солнцепоклонников. Культ бога Солнца был чрезвычайно распространен в античном мире как на Западе, так и на Востоке. В разных вариациях в разное время и в разных культурах соляры находили при раскопках от Иберии до Сиама.

– Но наш клиент – казах, – вставил я.

– Прекрасно! – улыбнулся Иван Михайлович. – Этот соляр, уважаемый детектив, весьма необычен, прежде всего тем, что он свежий. То есть изготовлен сравнительно недавно, скорее всего в нашем столетии...

– Я догадался...

– Но вы хотите знать, откуда он.

– За тем и пришел... – кивнул я.

Похоже, лекции мне не избежать. Но куда ж деваться?..

Городихин приосанился.

– Итак, что же мы видим? С одной стороны, типичный соляр эпохи Сасанидов. В Эраншахре¹⁰ зороастрийская религия практически была признана государственной. Хотя там были и ариане, и манихеи. Но, как во всякой религии, в зоро-

¹⁰ Эраншахр – другое название Государства Сасанидов (226–651 гг.).

астризме существовало множество ответвлений и толкований, даже откровенных сект. Одними из наиболее радикальных считались так называемые Дети Солнца. Судя по немногим сохранившимся свидетельствам, эти «детки» не просто провозгласили победу света над силами тьмы, но и активно претворяли идею в жизнь, физически уничтожая все, по их мнению, порочащее светлое начало в мире.

– То есть Дети Солнца были чем-то вроде террористической организации?

– Ну, терроризм – сильно сказано... У них логика была такова. Солнце дало начало всему живому, следовательно, все, что вредит или угрожает живому, особенно человеку, есть проявление тьмы. И значит, с ним надо беспощадно бороться.

– Они и боролись...

– Ну да. – Городихин помолчал. – Так вот. С другой стороны, в седьмом веке Арабский халифат подмял под себя империю Сасанидов и, естественно, сменил религию. Зороастризм, равно как и его ответвления, был запрещен. Храмы в большинстве разрушены. С тех пор про Детей Солнца ничего не было слышно. По крайней мере, они в официальных источниках не упоминаются. А косвенно...

Профессор покачал соляр на цепочке, потом положил на стол перед собой. Я ждал, хотя так и подмывало поторопить его.

– Припоминаю кое-что. – Иван Михайлович постучал

ногтем по соляру. – В путевых записках Ибн-Баттута, арабского путешественника и дипломата четырнадцатого века, впервые полностью опубликованных в Каире в 1871 году, есть один интересный эпизод. Когда Ибн-Баттута возвращался из своего второго путешествия на Восток через Афганистан и Персию в родной Танжер, в долине Кабула ему повстречались необычные странники. Их было несколько десятков, все одеты в белые хитоны на манер ромейских, а на груди и спине на них были вышиты изображения пылающего солнечного диска, пересеченного красной ветвистой молнией...

– Похоже на нашу находку, – не выдержал я.

– Да, – снисходительно кивнул Городихин. – И вот на вопрос Ибн-Баттута, кто такие, его проводник ответил буквально, мол, это Дети Солнца, борцы с тьмой!

– Ага. Но все же – четырнадцатый век...

– Вот и я о том же. Получается, что и в двадцать первом веке эта... община существует. Во всяком случае, другого объяснения я не вижу.

Некоторое время мы оба молчали, каждый по-своему переваривая невероятный вывод. Я справился первым.

– Хорошо. Допустим, Дети Солнца существуют, их дело живет. Но ведь где Персия и где Томск?..

– Правильный вопрос, – усмехнулся профессор. – Но здесь я вам не советчик. Думаю, вы, как детектив, сумеете найти связь между этими, казалось бы, несоединимыми фак-

тами.

– Да, конечно, – мне стало неловко. В самом деле, чего я пристал к уважаемому человеку? Он ведь и так мне помог сверх всякого ожидания. – Извините, Иван Михайлович. Огромное вам спасибо! – Я сунул соляр в карман. – До свидания.

– Всего хорошего, – кивнул Городихин, снова погружаясь в свои бумаги.

Я вышел из библиотеки весьма окрыленный. Надо же! Дети Солнца, древняя секта снова в действии!.. Но как ее связать с убитым?

Мучаясь над загадкой, я направил свои стопы к зданию главного корпуса Университета, ибо именно там работал мой давний приятель Сергей Калганов. Сергей Васильевич был химиком от бога и абсолютно безбашенным экстремалом.

Еще будучи старшеклассником, Серега влюбился в химию вообще и в неорганическую, в частности. Успехи его по предмету оказались настолько впечатляющи, что химичка пригласила талантливого ученика работать по вечерам лаборантом в школьной лаборатории, помогать ей готовить препараты для практических занятий. Зря она это сделала. Серега, попав в этакое царство изобилия, обалдел и решил самостоятельно провести, как потом выразился, сложнейшую реакцию по очистке благородных металлов от примесей. Уж не знаю, что именно он сотворил, но взрыв в лаборатории получился знатный. Хорошо ещё, что здание школы было ста-

ринной постройки, поэтому стены устояли. Но окно вместе с рамой и дверь вместе с косяком вынесло полностью. Самое интересное, что Сергей, во-первых, совершенно не пострадал (где-то успел спрятаться), а во-вторых, сумел убедить всех, что опыт у него удался! И в доказательство предъявил странные вкрапления желтого цвета, залепившие стены и потолок лаборатории.

Потом были отличный аттестат, красный диплом Университета, кандидатская в двадцать три и докторская в двадцать девять. Ныне доктор химических наук Калганов возглавлял отдельную лабораторию химии редкоземельных металлов и являлся экспертом сразу нескольких международных и отечественных комиссий по цветной металлургии.

Вот к этому уникаму я и заявился со своим соляром, потому как было ясно, что в моем пазле с трупом казаха и воскресшими Детьми Солнца не хватает детальки: где и когда изготовлен этот пресловутый кругляш.

Калганова я нашел, конечно же, за лабораторным столом. Маститый эксперт до сих пор не упускал возможности «похимичить» собственными руками.

– Здорово, алхимик! – бодро рявкнул я, входя в лабораторию.

– Привет фантасту, – не растерялся Сергей. – Давненько не виделись?

– Ну, почитай, с Нового года!..

– Нынешнего или прошлого?

– Э-э... – Я «завис». Вот так всегда. Серега обладал уникальной способностью ставить собеседника в тупик самыми простыми вопросами. – Наверное, все-таки нынешнего. А?..

– Принимается, – довольно улыбнулся мой друг. – С чем пожаловал?

– Вещицу одну надо бы протестировать, – я выложил перед ним соляр. – У тебя, говорят, аппаратура – супер. Мне нужно знать, когда и где могли изготовить эту вещь?

– Экий ты быстрый! – Калганов с интересом повертел соляр в руках. – Выглядит новоделом...

– Но?..

– Но явно имеет отношение к какому-то древнему культу.

– В точку! Это нагрудный знак жрецов-солнцепоклонников, предположительно – Детей Солнца. Была такая секта в зороастризме.

– Ух ты!.. Так получается, они и сегодня живут и здравствуют?

– Вот это ты мне и скажи.

Серега снова внимательно оглядел соляр. Поднес его под сильную настольную лупу с подсветкой, закрепил, вытащил из нагрудного кармана рабочего халата острый стальной щуп. Минуты две Калганов возился с моей находкой, наконец изрек:

– Похоже на медно-цинковую лигатуру. Видишь, цвет желтовато-зеленоватый?..

– И что?

– Ну, в старину золото часто сплавляли, помимо серебра, с медью и цинком для придания изделию мягкости и пластичности. А цинк как раз и давал зеленоватый оттенок.

– То есть мы имеем дело со старинным изделием?

– Не обязательно. Такие лигатуры применяют и ныне, как раз для придания новоделам солидного «возраста».

Я почесал кончик носа.

– Ты меня не путай, Серый. Щас в рожу вцеплюсь! Я же – кот. Помнишь?

– Ладно, не кипятись. – Калганов взял соляр и направился в дальний угол лаборатории. Там располагался внушительный агрегат, напоминающий древний вычислитель и пульт космической связи одновременно. Сергей чем-то щелкнул на панели, и аппарат ожил. На большом центральном дисплее заплясали непонятные символы и значки, потом вспыхнула надпись «ready» – «готов».

– Наша гордость! – важно произнес мой друг, открывая неприметный лючок и засовывая туда мою вещицу. – Атомно-абсорбционный спектрометр.

– И как он действует? – подозрительно поинтересовался я.

– Проба нагревается до нескольких тысяч градусов за секунду, образуется атомный пар, через который пропускается световой поток...

– Погоди-ка! Что значит «несколько тысяч»? Ты что, испарить его хочешь?!

– Успокойся, – Калганов хихикнул и сразу напомнил мне

прежнего Серегу-химика из далекого школьного прошлого. – Пробоотборник сделает соскоб в пару десятков микрон. Будет совсем незаметно.

Он быстро набрал на клавиатуре несколько команд и ткнул в кнопку «старт».

– Ну вот, теперь подождем и попьем кофейку. Не возражаешь?

– А долго ждать?

– Минут десять.

– Тогда пошли пить кофе...

Результаты мудреного анализа оказались обескураживающими. Выходило, что соляр все-таки старинный, потому что соотношение в сплаве благородных металлов было совершенно иное, чем общепринятые ныне во всем мире. Хотя не факт, если взять гипотезу о кустарном изготовлении соляра.

– Видишь ли, – терпеливо, как двоечнику, втолковывал мне Серега, – отлить такой кругляш вполне можно и дома. Например, имея стандартную муфельную печь с температурой до 1100 градусов. А уж сделать форму нетрудно даже по рисунку из книги. Было бы желание.

– То есть в моем случае попался казах-ювелир, любитель древностей? Он изготовил себе оберег, но тот его все равно не спас от сил тьмы.

– А почему ты не рассматриваешь противоположную версию?

– Это какую же?

– Твой казах как раз может быть жертвой неизвестного неофита-солнцепоклонника. А медальон, что убийца вложил ему в руку, сыграл роль визитной карточки.

Я ехидно прищурился.

– Голливудских маньяков посмотрелся, Сергей Васильевич?

– Я вообще кино не смотрю, – немедленно надулся Калганов. – Но чем тебе не версия?

– А смысл?

– Привлечь внимание! Это же очевидно.

– Ладно, – я примирительно хлопнул друга по плечу. – Ты и так мне здорово помог, Серега. Спасибо!

Мы тепло попрощались, и я снова очутился в объятиях промозглого мартовского дня. Глянул на часы – уже далеко за полдень. Пора бы и подкрепиться. Калгановский кофе лишь раззадорил желудок, и теперь он тихо, но требовательно урчал. От Универа до Новособорной площади, где располагалось мое любимое «Сибирское бистро», ехать – пару минут, но тогда непременно возникли бы проблемы с парковкой как в центре любого более-менее крупного российского города. А если идти пешком – минут десять. Зато по лужам и скользкому талому снегу. Пришлось выбрать второе «зло», большее, но реально преодолимое. Чертыхаясь, но в предвкушении стаканчика горячей «Таежной пади» (клюквенный морс на лесных травах, с медом и капелькой конья-

ка) и порции обожаемых румяных «чебурят», я доскакал до кафе за пять минут.

Говорят, что предвкушение лучше, чем вкушение. Едва я расслабленно устроился на мягком диванчике в углу зала для некурящих и принялся смаковать душистую «Таежную падь», ожил мой мобильник.

– Котов, где тебя носит? Почему недоступен?

Ракитин был сильно озабочен и зол, поэтому ерничать и шутить я не решился. Чревато, знаете ли.

– Олег Владимирович, я работал, между прочим. И сейчас у меня обеденный перерыв. А недоступен был, потому что в нашем старинном Университете слишком толстые стены и очень мало сотовых ретрансляторов.

– Обедать на пенсии будем. Результаты есть?

– Конечно...

– Тогда дуй немедленно ко мне в управление!

Отбой. Вот тебе, бабушка, и юрки в дверь. Мелкую мстительную мыслишку о том, чтобы все-таки пообедать и лишь потом ехать к Ракитину, я решительно отмел. И прежде всего потому, что мне самому было невтерпеж узнать, что же успели накопать господа полицейские. Я попросил официантку упаковать «чебурят» на вынос, с сожалением быстро допил «Падь» и запрыгал по лужам обратно к стоянке возле Университета.

Управление криминальной полиции занимало старинный, конца XIX века, трехэтажный особняк. Широкое каменное крыльцо с псевдоколоннами, стилизованное под портик, массивные высоченные двери с бронзовыми, изрядно потертыми ручками. Внутри тоже мало что изменилось за сто с лишним лет. В смысле большинство помещений остались в своих изначальных габаритах – и по площади, и по высоте. А на потолке кое-где до сих пор сохранилась лепнина. Добавились только темные дубовые панели в коридорах да современное бестеневое освещение.

Зато кабинет главного опера города не отличался изысканностью. С легкой руки хозяина здесь сделали ремонт во вполне европейском стиле и наполнили помещение легкой и светлой, очень функциональной мебелью. При входе в кабинет возникало – думаю, не у одного меня – забавное ощущение перехода из «темного» прошлого в «светлое» будущее. Шаг – и ты в другой эпохе. Лично я делал этот шаг каждый раз с удовольствием, и не только потому, что входил в кабинет своего лучшего друга.

– Господин Котов, как всегда, не торопится, – противным скрежещущим голосом сказал Олег, увидев меня. Помимо Ракитина вокруг Т-образного стола для совещаний уже сидели капитан Велесов, эксперт Седых и незнакомый мне мо-

лодой человек в штатском, но с военной выправкой.

Я счел за благо не огрызаться при посторонних, молча кивнул всем сразу и скромно присел на крайний стул. Данила ободряюще подмигнул мне, а Павел только осуждающе нахмурился, поддерживая начальство.

– Специально для тех, кто не в курсе, – желчно продолжил Олег, – господин Котов у нас частный сыщик, а также специалист по чертовщине. – Молодой человек слегка наклонил голову в мою сторону. – А это наш коллега из местного отделения ФСКН¹¹, старший лейтенант Гулицкий. – Молодой человек снова кивнул.

– Оперативная группа в сборе, можно начинать, господин подполковник, – все-таки не сдержался я.

Седых скорчил мне страшную рожу, Велесов закашлялся, а старлей удивленно приподнял бровь.

– Благодарю, господин сыщик. – Ракитин был сама невозмутимость. – Вот с вас и начнем. Докладывайте.

– Слушаюсь! Итак, найденный в правой руке трупа странный медальон вовсе таковым не является. Это – соляр, нагрудный знак жрецов культа Солнца, распространенного у многих народов Древнего мира. Данный соляр, вероятнее всего, по оценке профессора Городихина из нашего Университета, принадлежал адепту культа так называемых Детей Солнца...

– То есть вы хотите сказать, что покойный принадлежал к

¹¹ ФСКН – Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков.

этому... к этой секте? – недоверчиво скривив тонкие губы, перебил Гулицкий.

– Когда я хочу что-либо сказать, я так и говорю, – отбрил я этого выскочку. – Дети Солнца – одна из многих ветвей зороастризма...

– Религия такая, – тихо сказал Данила, глядя в стол.

Старлей несколько секунд недобро смотрел на эксперта, потом снова уставился на меня.

– Эти ребята, – как ни в чем не бывало, продолжил я, – отличались изрядным радикализмом. Логика их действий была предельно проста и столь же предельно жестока. Поскольку, говорили они, Солнце даровало жизнь всему на планете, и особенно человеку, то все, что угрожает жизни, должно быть безжалостно истреблено. Собственно, этим истреблением и занимались наши «детки». Пока их самих не истребили более гуманные мусульмане, действовавшие, как известно, по воле и во имя Аллаха.

– Так что же, по-твоему, секта не исчезла и существует по сей день? – недоверчиво нахмурился Ракитин.

– Выходит, так, – пожал я плечами. – Кстати, сам соляр отнюдь не новодел, несмотря на блестящий вид. Один мой знакомый аналитик из Универа сделал атомно-адсорбционный анализ находки и утверждает, что соотношение металлов в сплаве очень похоже на античное, каковое использовали полторы тысячи лет назад. Данила, – повернулся я к эксперту, – а ваши орлы могут установить происхождение ком-

понентов сплава?

– Легко, – горделиво ответил тот.

– Тогда держи. – Я протянул ему соляр. – Но моя версия такова...

– погоди о версиях! – оборвал меня Ракитин. – Сначала все факты. Данила, выкладывай.

– О, это поэма! – воспрял Седых. – Покойный – гражданин Республики Казахстан Сунайбеков Дастар Назарбаевич, двадцать восемь лет. Смерть наступила в результате внутреннего кровотечения при разрыве аорты. Предположительно, разрыв явился следствием психоэмоционального шока, возможно, вызванного сильным испугом. В пользу этого предположения говорит выражение лица покойного, на котором застыла посмертная маска ужаса. Но не это главное... – Данила выдержал эффектную паузу. – При вскрытии в желудке покойного обнаружено пятьдесят восемь пластиковых капсул с белым порошкообразным веществом общим весом почти сто двадцать граммов!..

– И что же это? – уточнил я, уже догадываясь.

– «Герыч», Дмитрий Алексеевич! – Седых буквально светился от счастья. – Сто двадцать граммов чистейшего героина.

– Погибший был «глотателем», – пояснил Гулицкий. – Это люди-контейнеры. Перевозят внутри себя в основном наркотики. Изредка – драгоценные камни.

– Но это же рискованно?

– Конечно. «Глотатели» довольно часто гибнут от острого наркотического отравления. И вообще долго не живут.

– Наверное, хорошо зарабатывают?..

– Смотря на чью мерку брать. – Старлей усмехнулся. – Как по-вашему, велика ли сумма в пять-шесть тысяч рублей?

– Да это же копейки! – удивился я.

– Но именно столько в среднем получает «глотатель» за один рейс.

– С ума сойти!..

– Да. Только, например, в Таджикистане или Киргизии среднемесячная зарплата составляет десять-пятнадцать долларов. Пересчет можете сделать сами.

– Но у нас-то казах...

– И что? В Казахстане заработки тоже невелики. К тому же уровень безработицы среди молодежи значительно выше официального по республике.

– Так, – прихлопнул ладонью по столу Ракитин. – Обсуждение потом. Велесов, что у тебя?

– Сунайбеков, как и его попутчики, попал к нам случайно, – обстоятельно начал Павел. – Вчера аэропорт Толмачево был закрыт из-за сильного тумана и борт отправили в Томск. Пассажирам утром предоставили три междугородних автобуса для переезда в Новосибирск. Бесплатно. За счет авиакомпании. Ночь пассажиры провели в двух гостиницах – «Богашево» и «Турист»...

– Поскольку «глотатели», – вновь встрял Гулицкий, – ни-

когда не отправляются в рейс по одиночке, следует как можно быстрее вычислить попутчиков этого Сунайбекова. Должен быть как минимум еще один «глотатель» или два, а также «мамка».

– Это кто такая? – не понял Олег.

– Скорее «такой», – снисходительно улыбнулся старлей. – «Мамкой» называют сопровождающего «глотателей». В его обязанности входит наблюдение за подопечными, организация для них ночевки, билетов в случае пересадки, а также охрана. По мере возможностей, конечно.

– А питье, еда? – заинтересовался я.

– «Глотатель» никогда не пьет и не ест, пока не доставит товар по назначению. Любое раздражение желудка может вызвать отторжение груза и, соответственно, его сброс.

– То есть, если выпьет стаканчик воды, попросту сблюет? – спросил Данила.

– Необязательно, – ответил я. – Но риск есть. Вода стимулирует перистальтику, так же, как и пища. Капсулы скорее всего пройдут в кишечник и... дальше по тексту.

– Совершенно верно, – поджал губы Гулицкий.

«А не выпендривайся! – злорадно подумал я. – Не один ты такой умный!»

– Так что там с попутчиками? – невозмутимо уточнил Ракитин.

– Мы их вычислили, товарищ подполковник, – кивнул Велесов. – Двое. Оба – граждане Казахстана. Уехали в Новоси-

бирск на предоставленном авиакомпанией транспорте.

– Странно, что «мамка» не дождался своего второго подопечного, – покачал головой Седых.

– А кто тебе сказал, что не дождался? – откликнулся я. – Наверняка этот «мамка» видел труп. И просто списал парня в убыток.

– Ты связался с новосибирцами? – спросил Велесова Олег, явно игнорируя мои реплики.

– Конечно. Все передал. Обещали помочь с поисками.

– Ну вот, – Ракитин удовлетворенно откинулся на спинку кресла. – А теперь прошу версии, господа.

– Версия первая, – важно заговорил Гулицкий. – Думаю, она же и основная. Поскольку героин производят в среднеазиатских странах, эту группу можно расценивать как типичную разведку нового трафика сюда, в Западную Сибирь. А смерть одного члена группы может быть итогом какой-то внутренней разборки. Господин Котов прав. Конечно, «мамка» видел труп и списал его. Это у них в порядке вещей...

– А кто же все-таки напугал до смерти нашего казаха? – прищурился Олег.

– Скорее всего его напарник. Либо даже «мамка», что маловероятно...

– Либо кто-то третий, – вставил я.

– Уточни, – немедленно среагировал Ракитин.

– Вы забыли о соляре. Моя версия: убийца – адепт общины Детей Солнца. Или даже жрец. Все сходится. Адепт

узнает о подготовке группы «глотателей» с героином. Всякий знает, что наркотики – это «белая смерть», то есть налицо угроза жизни очень многим людям, которых Дети Солнца поклялись защищать всеми средствами. Адепт идет по следу группы, улучает удобный момент – ночевка в гостинице – и убивает одного из них...

– ...и казах в борьбе сорвал соляр с шеи убийцы. А способ убийства? Не думаешь же ты, что этот адепт сделал парню «козу» и тот испугался до смерти?

– Ну, что-то типа того... Смогу сказать точнее, если мне дадут осмотреть труп, – уверенно заявил я, хотя на самом деле так не думал. Просто мне нужен был повод пробраться в морг, потому что искать я собирался совсем другое. – А что касается соляра, то его ниоткуда не срывали, потому что цепочка цела. Убийца сам вложил соляр в руку жертве. А вот с какой целью, надо разбираться.

– Хорошо, Димыч, – сказал Олег своим обычным «раки-тинским» голосом, и я понял, что прощен. – Дорабатывай версию. Данила свозит тебя в «холодильник». А мы пока займемся первым вариантом.

– Идемте, господин Пинкертон, – хмыкнул Седых. – Прокачу!

– Меня зовут Холмс. Шерлок Холмс, – строго произнес я и первым пошел к двери. Сзади раздался запоздалый сдавленный смешок.

Глава 2

Афганистан. Провинция Бадахшан.

Февраль 201... года

Фархад проснулся внезапно. Только что его дух пребывал в царстве грез и видений, и вдруг, словно кто-то позвал его, крикнул предостерегающе. Фархад, не меняя позы, внимательно огляделся, задержал взгляд на посветлевшем квадрате окна. «Полчаса до восхода», – машинально отметил про себя молодой эмир.

Тишина. На плече уютно посапывает Джамиля. Сегодня у них снова была бурная и страстная ночь. Так нежно и пылко Фархада еще никто не любил. Он правильно сделал, что женился на этой девушке. Старики противились их браку, как могли, но молодой господин был уверен, что жена из бедной семьи окажется самой верной и преданной. Так и случилось. Уже год они законные супруги, и еще ни разу Фархаду не пришлось пожалеть о своем выборе. Джамиля всегда и во всем поддерживает его, заботится и часто дает умные советы. Жена и друг в одном лице – что может быть лучше?..

Фархад прислушался. Нет, тишина не полная, как обычно бывает перед рассветом. Легкие шорохи во дворе, вот скрипнула ступенька на лестнице, ощущение быстрого движения за окном...

Неужели началось?..

Еще месяц назад из соседнего Тахара приезжали двое с личным письмом от эмира Караха, очень уважаемого человека. С ним еще отец Фархада дружил и все время говорил сыну, мол, слушайся Карах-рафика, он всегда даст мудрый совет. В том письме эмир Тахара предупреждал о резком усилении активности «голубых касок». Правда, здесь, на северо-востоке, в основном были расквартированы германские подразделения. А эти парни весьма лояльно относились к законам и обычаям населения и старались не вмешиваться в местные дела и разборки. В свою очередь, люди эмира также не задевали иностранцев без нужды. Но, видимо, обстановка изменилась, и «миротворцы» стали проявлять повышенный интерес к тому, кто, где и чем занимается, куда и зачем ездит. На блокпостах пошли постоянные проверки, и уже дважды задерживали грузовики эмира и устраивали полный досмотр. «Готовится что-то нехорошее, – писал Карах-рафик. – Такое впечатление, что кто-то решил нам сильно навредить, даже разрушить наше общее дело...»

Похоже, зря Фархад не придал письму должного внимания.

За окном явственно послышался лязг передергиваемого затвора. Молодой эмир не колебался больше ни секунды. Он осторожно встряхнул жену за обнаженное плечо и, как только Джамиля открыла глаза, приложил палец к ее губам.

– Тихо, любимая! Кажется, у нас непрошенные гости, – произнес шепотом. – Быстро бери одежду и выходи через

заднюю дверь. Спустишься в подвал, там за большим сундуком есть лаз. Он выведет тебя во двор к старику Хараму.

– А ты? – глаза Джамили расширились от страха.

– Я – мужчина и воин. А воинам не пристало убегать от опасности. – Фархад скатился с ложа и метнулся к окну. Осторожно выглянул, отпрянул, и сейчас же стекло разлетелось вдребезги, а пуля, пробившая его, глубоко вошла в противоположную стену.

Странно, но звука выстрела эмир не услышал. А в следующую секунду пришло понимание: это зачистка. Отряд, пришедший по его душу, экипирован как спецназ. Вот только кто же они, эти гости?..

Но раздумывать было некогда. Эмир бросился обратно к ложу, лихорадочно натянул штаны, свитер, крепкие американские берцы на «липучках» и выхватил из-под подушки «Глок-17» – подарок отца. Джамилия, выполняя приказ мужа, уже оделась и стояла у задней двери. Она толкнула створку и оглянулась. Это стало ошибкой. Фархад, словно в замедленном кино, увидел, как за дверью на лестнице возникает темная фигура, как пришелец скидывает странного вида оружие с очень толстым стволом, как на конце ствола вспыхивает бледно-желтый язычок пламени, а на груди Джамилии один за другим расцветают страшные красные цветы. Хрупкое тело жены будто сломалось одновременно в нескольких местах, его швырнуло обратно в комнату и ударило о столик с остатками ужина.

Дальнейшее произошло за какие-то секунды. Темная фигура шагнула в проем двери, переводя ствол автомата на Фархада, и тогда молодой эмир надавил на спуск, держа пистолет обеими руками, как его учил отец еще в детстве. Верный «глок» не подвел. Девятимиллиметровые пули, выпущенные одна за другой, буквально вышибли из спецназовца дух. Здоровенный солдат вылетел обратно на лестницу спиной вперед и покатился по ступеням под ноги товарищу, поднимавшемуся на подмогу.

Фархад, рискуя порвать мышцы ног, рванулся следом за врагом и успел выстрелить во второго противника, прежде чем тот сообразил, что происходит. Несмотря на смертельную опасность, молодой эмир не потерял самообладания и быстро обыскал обоих убитых, забрав оружие и запасные магазины.

Конец февраля в горах – еще зима. Но искать теплую одежду было некогда, во дворе, да и в остальном кири тишина закончилась. Отовсюду слышались выстрелы, где-то грохнул взрыв. Фархад как был в свитере, зимних натовских штанах и берцах, так и выскочил из тайного лаза во дворе соседа.

Конечно, домочадцы Харамы Эмдина уже были на ногах, и появление молодого господина восприняли едва ли не с радостью.

– Что происходит, Фархад? – Старик даже в критической ситуации сохранил свой обычный невозмутимый вид.

– Плохо, Харам-ака! Похоже, кто-то решил свести со мной

счеты. – Молодой эмир заметно побледнел, желваки на скулах вздулись. – Они убили Джамилю! Я им этого не прощу!

– У тебя в руках странное оружие. Откуда оно?

– Я застрелил двоих. Это оружие врага.

– Кто бы ни были, они застали тебя врасплох, – спокойно произнес старик. – Так что сейчас разумнее будет отступить. Иди в горы, через перевал. Там кири Зарифа, он – дальний родственник, двоюродный брат твоего деда. Нарима! – окликнул он. – Принеси куртку Салихана.

Через минуту во двор вышла пожилая, но все еще красивая женщина. Она с поклоном протянула Фархаду солдатскую куртку.

– Благодарю вас, уважаемые, – тоже поклонился молодой эмир. – Я не забуду вашей доброты. И я вернусь! Скоро!..

Надев куртку, Фархад закинул автомат на плечо и быстро перелез через дувал. Оказавшись в узком проулке уже почти затянутом молочной кисеей тумана, он пригнулся и легким кошачьим бегом направился в сторону недалеких гор.

* * *

– Он ушел, товарищ полковник!

– Как это могло случиться?! Где же были ваши спецы, майор?

– Фархад – что зверь. Недаром его Барсом прозвали... – Командир спецгруппы ФСКН сконфуженно опустил голову.

Полковник Данилин, руководивший операцией по уничтожению эмира и его отряда, окинул майора презрительным взглядом и вынул из кармана разгрузки спутниковый телефон.

– «Медведь» вызывает «Орла». Код – 13395.

– «Орел» на связи, – моментально отозвалась трубка.

– Барс вырвался из ловушки. Поднимайте своих «орлят»...

– Дайте пеленг, – пришел ответ после пятисекундного молчания. – Время подлета – десять минут.

Полковник повернулся к застывшему рядом помощнику.

– Вызывай машину, едем на базу. Пусть теперь америкосы сами за своим Барсом гоняются. А ты, майор, – обернулся он к спецназовцу, – заканчивай зачистку и тоже сворачивайся.

Офицер молча козырнул и растворился в предутреннем тумане, заполнившем всю долину вместе с кишлаком. Спустя пару минут к месту, где стоял Данилин, подкатил, урча мощным мотором, бело-пятнистый «Тигр»¹². Полковник и его адъютант забрались в салон, и машина укатила. Все стихло. И лишь тогда из-за соседнего дувала появилась осторожная тень.

Человек, полупригнувшись, вышел на дорогу и посмотрел вслед вездеходу, затем снял с плеча короткий автомат с толстым стволом и с оружием в руках направился бегом в про-

¹² «Тигр» – он же ГАЗ-2975; военный внедорожник, состоящий на вооружении российской армии.

тивоположную сторону, прочь от кишлака, еще вчера бывшего его родным домом.

* * *

Два «Ночных ястреба» появились над кишлаком ровно через десять минут, как и было заявлено американцами. Пилоты запросили азимуты направления поисков, но поскольку никаких точных данных о том, куда направился фигурант всей совместной российско-американской операции, не было, аналитическая смешанная группа в течение нескольких минут выдала все же два наиболее вероятных вектора поиска. Первый указывал на границу с Таджикистаном, а второй почти в противоположную сторону – на кишлак Бадар-ак-Зариф, расположенный в тридцати километрах от места проведения спецоперации за горным перевалом.

Американцы, недолго думая, разделились, и вертолеты, оборудованные системами теплового слежения, разлетелись по выбранным направлениям.

«Ястреб» с бортовым номером 123 поднялся на сто метров и медленно двинулся в сторону перевала. В машине сидело шесть человек: два пилота и четыре хмурых десантника в полной выкладке. Командир подразделения пристроился позади второго пилота, который следил за экраном тепловизора.

– И какова дальность этой штуки? – поинтересовался он.

– Техника новая и очень чувствительная, – с готовностью принялся объяснять пилот. – При соответствующей настройке можно засечь мышь с пятисот ярдов. Причем вся аппаратура привязана к системам наведения бортового вооружения. Так что у вашего беглеца шансов практически нет. Расслабьтесь, лейтенант.

По экрану тепловизора медленно ползла череда разноцветных пятен и полос преимущественно серо-голубого или сине-зеленого цвета, что говорило о низкой температуре попадающих в поле зрения объектов. Внезапно среди этого хоровода мелькнуло что-то оранжево-желтое. Пилот-наблюдатель встрепенулся.

– Кажется, нашли!

Лейтенант тоже приткнулся к экрану. Яркое пятнышко быстро увеличивалось.

– Это он! Всем приготовиться!

– Вы что, в самом деле собираетесь высаживаться? – удивился пилот.

– У меня приказ взять этого горца живьем.

– Но зачем? Проще грохнуть его прямо отсюда. Пара очередей – и нет проблемы.

– У меня приказ, – отдельно повторил лейтенант, тяжело посмотрев на летчика.

– Дело ваше, – пожал тот плечами. – Джейк, – повернулся он к напарнику, – сделай пируэт, обойди цель ярдов на двести-триста.

Тот кивнул и заложил плавный вираж. На экране тепловизора пятно цели превратилось в силуэт, и что-то в нем не понравилось лейтенанту.

– Непохоже это на человека.

– Действительно, – приглядевшись, кивнул пилот. – Скорее какое-то животное.

– Отбой, ребята, – повернулся к подчиненным лейтенант.

И в этот момент на экране, значительно левее центра, возникло еще одно красно-оранжевое пятно. Пилот ничего не успел сказать, как от пятна в направлении вертолета протянулась нестерпимо яркая бело-желтая полоса. Раздался оглушительный хлопок, по салону машины метнулось жаркое пламя пополам с дымом и кусками обшивки. Три десантника буквально за секунды были иссечены раскаленным металлом. «Ночной ястреб» вильнул в сторону и стал опасно заваливаться на правый борт. Летчик-наблюдатель судорожно вцепился в бесполезный пульт тепловизора, а лейтенант зачарованно наблюдал, как появляется и разрастается рваная трещина, отделяя хвост вертолета от основного салона...

Спустя полминуты беспорядочно крутящийся, объятый пламенем «Ястреб» врезался в недалекую гору, вспугнув с лежки семью горных баранов. Еще один гулкий взрыв, и все закончилось.

Тогда с противоположного склона на дорогу спустился Фархад. Он бросил на камни ставшую бесполезной трубу РПГ-7. «Какая ирония, – подумал Фархад. – Для того, что-

бы выжить, афганский эмир сбивает из русского гранатомета американский вертолет!...»

Теперь путь был свободен. Туман медленно уползал в расщелины, но, посмотрев на стальное небо, затянутое тяжелыми тучами, Фархад понял, что может не успеть добраться до перевала.

* * *

Он шел уже несколько часов, не останавливаясь. Тропа вилась среди осыпей и обломков скал, частично обледеневших и оттого очень опасных. Надо было все время следить, куда ставить ногу. Фархад прекрасно понимал, что в его случае даже простой вывих означает смерть. Помощи ждать неоткуда, а надеяться на случайную встречу с охотником или дровишкой в такую погоду не стоило.

А погода между тем становилась все более неприятной и тревожной. Тучи отяжелели настолько, что уже цеплялись брюхом за гребни скал, и по всем признакам вот-вот должна была разыгаться снежная буря. «Не доберусь до перевала – конец!» – эта мысль назойливой мухой билась в голове молодого эмира. Но карты у него не было, а память непостоянна и изменчива, как женщина. Фархад лишь однажды два года назад ходил по этой тропе и, конечно, не мог вспомнить все детали и ориентиры, поэтому не знал, сколько еще идти. А неизвестность порождает страх.

В какой-то момент страх пробился наружу из глубин подсознания и затопил мозг. Фархад мгновенно осознал, как хочет жить. И не только потому, что поклялся отомстить за смерть любимой жены. Нужно еще будет разобраться с теми, кто все это затеял. А главное, почему?

Ничего, когда он доберется до кири Зарифа, то сделает все возможное и невозможное, чтобы найти заказчика. А в том, что произошедшее – заказ, Фархад не сомневался. Он и сам неоднократно прибегал к услугам тех же янки, чтобы разобраться с нечистыми на руку конкурентами. Но в его случае странностей было слишком много.

Во-первых, почему-то в нападении участвовали русские. А ведь шурави, несмотря на свою природную свирепость, до сих пор брезговали исполнять роль наемников. Вот янки – другое дело. Эти везде свою выгоду найдут. Получается, что не заказ?.. Тогда что?

Во-вторых, в нападении принимал участие спецназ, а не армейцы. Причем в наземной фазе работали как раз русские, а вот воздушную поддержку осуществляли американцы. И в этом случае вывод один: зачистка. Но кто инициатор? Шурави или янки?..

Тропа сделала очередной резкий поворот, и Фархад, задумавшись, едва не шагнул на затаившуюся под снегом осыпь. Судорожно схватился за холодный скальный выступ, глянул вниз. М-да, пожалуй, с этого «каменного языка» он бы не выбрался. В который раз вознес хвалу Аллаху, Фархад осто-

рожно отодвинулся от края осыпи и все же решил присесть на минуту, чтобы унять плеснувшую в голове мутную волну страха. Набрал горсть жесткого снега, вытер вспотевшее лицо.

Где же он, этот чертов перевал? Эмир помнил, что недалеко от его вершины есть старая овчарня, огороженная высоким дувалом. Наверняка там есть и очаг, и топливо. Может быть, даже найдутся остатки какой-нибудь еды. Едва подумав о ней, Фархад понял, насколько голоден. Решительно поднявшись, он снова шагнул на тропу.

Буря обрушилась внезапно. Бешеный напор ветра прижал человека к скале и начал методично и безжалостно стегать его снежно-ледяными бичами. Фархад моментально потерял направление, сжался под каменным козырьком, стараясь прикрыть руками незащищенную голову. Толстая куртка пока сдерживала яростные попытки холода добраться до тела, но так не могло продолжаться долго.

Фархад бросил враз отяжелевший автомат и едва ли не на четвереньках пополз вдоль скалы, надеясь найти какую-нибудь щель, расселину, где можно было бы спрятаться от этого белого ужаса. И когда он уже совсем потерял чувство реальности, двигаясь почти инстинктивно, его судорожно шарящая по камню рука нащупала пустоту.

Молодой эмир буквально нырнул во внезапно открывшийся узкий треугольный лаз. Протиснулся между шершавых гранитных плит и оказался в пещере. Ветер сюда не за-

дувал и лишь злобно выл снаружи, упустив добычу. Фархад наконец выпрямился, стряхнул с волос и плеч налипшую ледяную крупу и принялся обшаривать карманы куртки, надеясь найти спички или хотя бы зажигалку. Но судьба пошутила над ним еще раз. Вместо спичек рука наткнулась на какой-то маленький пластмассовый прямоугольник. Вынув находку, молодой эмир поднес ее к самым глазам и в тусклом сером отсвете бушующей бури разглядел на ладони брелок-фонарик.

Фархад тут же нажал маленькую кнопку. Тонкий, но достаточно сильный из-за фокусирующей линзы, луч белого света вырвался из брелока и уперся в красно-бурую гранитную стену в двух шагах от человека. Фархад повел лучом вдоль стены, но дальше трех метров сила светового потока иссякала и рассеивалась во мраке пещеры.

То, что он попал именно в естественную пещеру, эмир понял сразу. Поначалу он хотел было просто пересидеть бурю здесь же, недалеко от выхода. Но скоро холод, который в отличие от ветра вошел в пещеру вместе с Фархадом, напомнил о себе, и молодой человек благоразумно решил двигаться дальше. Медленно идя вдоль стены и подсвечивая крохотным фонариком, он быстро понял, что попал в начало лабиринта, тянувшегося на неизведанную глубину внутри горы.

Через полчаса Фархад обратил внимание на то, что стало значительно теплее, но поначалу счел это за эффект от ходьбы. Однако вскоре его лица коснулось робкое движение

воздуха. Теплового воздуха! А еще спустя десять минут эмир вышел из прохода в большую полость. Он это понял по тому, как резко разошлись в стороны стены тоннеля.

Светить слабым фонариком не было смысла, и Фархад погасил брелок, экономя батарейку. К его удивлению, буквально через пару минут он стал различать окружающее. Сначала он увидел собственные руки, потом по бокам проступили из тьмы чуть более светлые стены. И здесь эмир сделал новое открытие: стены оказались выровненными! Красно-бурый гранит уступил место темно-серому камню, стесанному почти до идеально ровной поверхности. Дно под ногами также превратилось в ровный каменный пол.

Сумрак медленно продолжал расступаться, и вскоре Фархад смог разглядеть впереди, почти в центре колоссального зала возвышение, на котором смутно проступали очертания то ли постамента, то ли алтаря. Движимый любопытством, молодой эмир осторожно подошел к странному сооружению, поднялся по вырубленным в основании низким ступеням и остановился как вкопанный. На плоском широком камне темно-красного цвета лежало тело человека, обернутое светлой тканью. И это была не мумия и не иссохший труп.

Перед Фархадом *спал* очень пожилой человек. Иначе эмир не мог назвать то, что видел. Хотя и понимал, что такого не может быть. Внутри огромной горы на каменном ложе лежит древний старик, едва прикрытый легкой тканью и со сложенными на груди руками. Да любой бы замерз тут де-

сять раз, а этот – спит?!..

Фархад наклонился над телом, внимательно приглядываясь. Взгляд зацепился за руки старика. Худые, с тонкой, пергаментной кожей, с бледно-желтыми ногтями, чуть более длинными, чем положено мужчине, и тонкими же извивами сине-черных вен. Действительно, руки старика!.. Прикоснуться к ним Фархад не посмел и продолжил осмотр, перейдя к лицу незнакомца.

Старик был укрыт тканью по самую шею, поэтому лишь голова его оставалась открытой. Эмир приблизил ухо к носу спящего, пытаясь уловить дыхание. Ничего! Лицо – восковая маска, ни одна, даже крохотная, жилка не дрогнет. Кожа совершенно иссохшая, но глазные яблоки под веками не провалились. И губы не бледные, а розоватые...

Фархад, пересилив себя, кончиком пальца отогнул край покрывала возле шеи. Пригляделся – никаких признаков даже слабой пульсации. Значит, все-таки труп?.. Эмир потрянул головой: ну, не похож он на покойника!

Еще понаблюдав какое-то время, Фархад так и не решился прикоснуться к телу старца. В зале было достаточно тепло, а на эмире – плотная одежда. Плюс – напряжение, вызванное бегством, боем и борьбой с бурей, сошло на нет. И человек поддался немоу зову утомленного тела, лег и вытянулся прямо возле постамента с незнакомцем, ощущая, как расслабляются перенапряженные мышцы, как зуд усталости наполняет суставы и позвоночник.

Через минуту Фархад уже спал глубоким сном.

* * *

Он шел по бескрайней равнине, залитой золотистым теплым светом. Под лучами великого животворящего Солнца наливались соком высокие травы, наполнялись прозрачной влагой ручьи и озера; тучи птиц носились в поднебесье, вознося хвалу светилу, огромные стада животных кричали на разные голоса, радуясь дарованной им жизни...

Фархад шел навстречу восходящему солнцу, раскинув руки и смеясь весело и счастливо, ибо нет на свете ничего более прекрасного и величественного, чем жизнь! Это бесценный дар, отпущенный миру богами и воплощенный в живительных сияющих потоках света. Его, и только его следует беречь и охранять, как зеницу ока. Жизнь – божественна, а значит, священна! Любой, кто покусится на нее, – враг, посланник тьмы. И нет ему пощады!..

«Да, Фархад, ты все понял правильно. Ты готов стать одним из нас и защищать жизнь?..»

Они кружили вокруг него – легкие и светлые, солнечные зайчики, блики на воде, золотые птицы в небе.

«Да, я готов. Я хочу защищать жизнь, потому что уже потерял половину своей...»

«Тогда открой себя, распахни свое сердце,пусти одного из нас – и ты станешь таким же, как мы, – легким, светлым,

вечным и справедливым...»

«Как я могу это сделать?..»

«Просто скажи: да!..»

Они кружили вокруг него все быстрее, сливаясь в сияющий кокон. И когда он стал непрозрачен, заслонив собой и равнину, и небо, из кокона вышел улыбающийся старик, тот самый, которого Фархад видел недавно в пещере на камне. Но сейчас старик был бодр и весел, его лицо и руки покрывала здоровая золотистая кожа, а в глазах плескалось озеро жизненной силы.

Старик раскрыл объятия и засмеялся, счастливо и радостно. И тогда Фархад тоже раскинул руки и произнес с улыбкой: «Да!..» Они шагнули навстречу друг другу и обнялись, как добрые друзья, которые не виделись много лет. И в тот же миг Фархад почувствовал, что нечто стремительно заполняет его изнутри, каждую клеточку, каждый нерв, каждую мышцу. Заполняет и растворяет того, прежнего, молодого и честолюбивого эмира, который всю сознательную жизнь стремился отнимать жизни других. Он убивал их по-разному: в бою и исподтишка, но чаще и больше всего – с помощью «белой смерти», ибо она была самой незаметной, коварной и изощренной, но такой же свирепой и беспощадной, как и ее сестры из огня и железа. И вот теперь пришло осознание всего этого ужаса. Что же он наделал?! Сколько же жизней он отнял просто так, из прихоти, из желания стать чуточку богаче, солидней, влиятельней?..

Мутный поток запоздалого покаяния затопил мозг и сердце, но тут же маленькое солнышко, поселившееся в середине груди, вспыхнуло невозможным, очищающим светом, и Фархаду стало хорошо и спокойно. Теперь он знал, что ему нужно делать, чему он должен посвятить свою дальнейшую, долгую жизнь.

Глава 3

Россия. Западная Сибирь. Томск.

Март 201... года

Когда мы с Данилой вошли в «холодильник» – морг судебно-медицинского экспертного отдела, – я поинтересовался:

– У вас есть возможность осмотра предметов в поляризованном свете?

– Есть камера оптического сканирования поверхности, – Седых удивленно посмотрел на меня. – А зачем вам, Дмитрий Алексеевич?

– Затем, мой юный друг, что сейчас мы с тобой будем искать то, чего не существует! – таинственным хриплым шепотом произнес я.

– Это как?! – у парня натурально отвалилась челюсть.

– Подбери, еще пригодится, – ухмыльнулся я. – Показывай свою камеру.

Мы поднялись на второй этаж, и Данила толкнул дверь с надписью «Лаборатория оптики». Я увидел просторное светлое помещение, сплошь заставленное диковинной, на мой дилетантский взгляд, аппаратурой. Из всего изобилия я уверенно опознал только электронный микроскоп и лазерный спектрометр, поскольку видел эти приборы не раз в лаборатории Сереги Калганова. Правда, там они имели явно другое применение...

Седых провел меня в дальний конец помещения и торжественно указал на внушительных размеров бокс с распашной дверью. Сбоку от сооружения стоял самый настоящий пульт управления, сродни какому-нибудь терминалу из ЦУПа в Королёве. Побывал я там как-то по молодости на экскурсии.

– Ты умеешь с этим управляться? – кивнул я на пульт.

– Немного. А что, собственно, вы хотите сделать?

– Сейчас прикатим сюда каталку с нашим казахом и кое-чего проверим, – заговорщицки подмигнул я.

Вдвоем мы быстро управились. И уже через пять минут Данила включил установку.

– Надо подождать несколько минут, пока все протестируется, – сказал он.

– Отлично! Тогда слушай. Ты что-нибудь знаешь об ауре?

– Ну-у...

– Ясно. Так вот. С точки зрения физики, аура – это суммарное электромагнитное поле, возникающее вокруг практически любого материального объекта. Поле это крайне слабое по напряженности и энергоемкости, поэтому его обычные приборы не фиксируют...

– А, вспомнил! Эффект Кирлиан?..

– Уже лучше. Ты не безнадёжен. Слушай дальше. Эффект Кирлиан просто подтвердил наличие у живых объектов этой самой ауры. Потом его многожды усовершенствовали и модифицировали. В результате на сегодня существует куча ва-

риантов практического применения визуализации ауры. В частности, академик Гаряев с помощью этого эффекта, модифицированного должным образом, доказал голографическую природу записи информации в генах...

– Здорово! А мы-то что будем делать?

– Искать след убийцы. И если мое предположение верно, мы его увидим.

Следующие полчаса мы рассматривали тело «глотателя» в самых различных режимах освещения, от ультрафиолетового до инфракрасного по длине волны, от прямого до полностью отраженного по углу; мы даже распылили на коже покойника специальное вещество, дающее рельефную флуоресценцию при облучении его поляризованным лучом монохроматического света. В итоге обнаружили несколько старых следов от ударов или ушибов, но ни один из них не мог стать причиной смерти казаха.

– Перерыв, – объявил я. – У тебя кофе есть?

– Найдется. – Данила, поначалу азартно участвовавший в экспериментах, заметно сник. – Дмитрий Алексеевич, а может, его тут и нет? Следа этого?..

– Есть, друже! Я уверен. Просто потому, что след остается при любом воздействии – хоть при физическом, хоть при ментальном, хоть при биоэнергетическом. Надо лишь правильно искать.

Мы выпили по чашке ароматного капучино из кофеварки в лаборантской, закусив кофе парочкой окаменевших су-

хариков, и вернулись к боксу.

– Давай-ка теперь попробуем тот самый эффект Кирлиан, – сказал я. – У вас здесь найдется ионизатор?

– Конечно, – в глазах Данилы снова зажегся интерес. Он сбегал куда-то и приволок большой сетчатый шар на подставке. – Генератор легких аэроионов. У нас лаборантки в комнате отдыха используют. Говорят, полезно для дыхания.

– Это вариант лампы Чижевского, – кивнул я. – Подойдет.

Мы установили шар внутри бокса и включили. Выждав несколько минут, запустили установку в режиме ультракоротковолнового сканирования. И наконец увидели. Тело покойника окуталось бледным голубоватым свечением, чуть более ярким над грудной клеткой и почти невидимым на кончиках пальцев. А точно посередине грудины, там, где располагается у человека сердце, вернее, аорта, обозначилось темно-лиловое пятно, формой сильно напоминающее сложенную ладонь.

– Это чего?! – почти прошептал Данила.

– След энергетического удара, – тоже тихо сказал я. – Теперь мы знаем, как убили парня. Осталось найти того, кто это сделал. И я сильно подозреваю, что сделать это будет очень непросто...

* * *

Несмотря на тяжелый, насыщенный событиями день, спал

я ночью прекрасно. То есть как из пушки. Даже не слышал, когда пришла Лена. Вырубился прямо на диване, где устроился посмотреть любимый с юности фильм «Кин-дза-дза». Эта гениальная картина режиссера Георгия Данелия всегда поражала меня своей неизмеримой философской глубиной. Под тонким слоем, в общем-то, незамысловатого сюжета о приключениях двух землян на некой планете Плюк таилась бездна смысла, образов, аллюзий и обобщений поистине общечеловеческого масштаба. А придуманный для фильма язык инопланетян открывал поистине гигантские возможности для метамоделирования сознания. В результате одни и те же фразы диалогов в разное время и в разном настроении, в разной компании, наконец, воспринимались каждый раз совершенно иначе. А это, в свою очередь, давало толчок мозгам к обдумыванию или переосмыслению полученной накануне информации. Если совсем коротко, фильм многожды давал мне возможность посмотреть на факты и обстоятельства, открывшиеся в ходе расследования, в абсолютно новом ракурсе. Но в этот раз усталость взяла свое.

Зато проснулся я рано – бодрый и деятельный. Поскольку спал в гостиной, тихонько пробрался на кухню и приготовил Рыжику настоящий королевский завтрак. Ленка по утрам обожает лопать тосты из белого хлеба с «пармезаном» и помидорами и запивать их густым «моккачино». Никаких блинчиков, омлетов, круассанов и прочей буржуазной чепухи!

Когда я уже заканчивал сервировать стол, в прикрытую дверь просунулась заспанная курносовая мордашка с рыжим чубчиком торчком.

– Ага, – сказала мордашка, – кажется, это я удачно зашла!

– Соням и неумытым девочкам завтрак не полагается, – голосом киноprovокатора парировал я. – Это завтрак для рыжей королевы!

– Щас сделаем! – хихикнула Лена и скрылась в ванной.

Я налил себе «моккачино» и уселся в уголок между окном и столом. Мобильник, предусмотрительно взятый мной на кухню, тут же ожил и сыграл первые такты из «Пиратов Карибского моря». Номер не определился.

– Слушаю, Котов.

– Скажите, милейший, вы действительно хотите найти убийцу наркокурьера? – осведомились в трубке.

Чашка с кофе предательски выскользнула из пальцев, стукнулась о столешницу. По скатерти расплозлось темно-коричневое пятно. Конечно, в глубине души я предполагал, что рано или поздно расследованием заинтересуются... м-мм, заинтересованные стороны. Но не думал, что так быстро.

– С кем я говорю? – Слова с трудом выходили из мгновенно пересохшего горла. Я вынужденно прокашлялся.

– Неважно. – «А выговор-то слишком правильный! Почти наверняка иностранец...» – Я желаю услышать от вас ответ, господин сыщик.

– Конечно, хочу. Я даже могу предположить, что это ваша работа...

В трубке повисла гробовая тишина. Неужели в точку?.. Нет, не может быть все так просто.

– Не торопитесь с выводами. Ваш ответ меня вполне удовлетворил.

Отбой. Блин, вот это да! Вот это уровень оперирования информацией! Нам бы так...

– Ко-отик, ты прелесть! – Рыжик плюхнулась мне на колени, обдав облаком свежести и нежности. – Твоя королева готова к приему завтрака!

– Тебя покормить? – Я обнял ее за талию и понял, что под халатиком у Лены ничего нет. Черт, нельзя расслабляться, а хочется!..

Я аккуратно пересадил Рыжика на соседнюю табуретку, чмокнул в румяную, бархатную щеку и направился из кухни.

– Ешь, а мне позвонить надо. Срочно.

В гостиной я с размаху сел в кресло возле журнального столика и сгреб с него трубку радиотелефона. Нажал «горячую» клавишу, набирая номер Ракитина. Пока еще домашний. На том конце долго не отзывались.

– Квартира Ракитиных, – раздался наконец в трубке знакомый тихий голос.

– Доброе утро, Алена, – сказал я и покосился на настенные часы. – Олег еще спит?

– Олега уже нет, Дима.

– Ух ты, как рано встает охрана!.. Он не сказал, куда направился?

– Нет. Ты же его знаешь. Так что звони на мобильный.

– Спасибо. Извини, что разбудил.

Часы показывали половину восьмого утра пятницы.

Мобильник Ракитина почему-то долго не отвечал, потом послышался знакомый сердитый голос:

– Ну и чего трезвонишь?

– И тебе доброе утро, – примирительно сказал я. – Куда это ты в такую рань умотал? Вроде бы по рангу тебе не положено...

– Что «не положено»? – еще более сварливо и резко перебил Олег. – Я должен перед тобой отчитываться?

– Ватсон, это же я, Холмс! – сделал я последнюю попытку свести все к шутке, ибо юмор – великое лекарство от любых душевных хворей.

– Иди в задницу! – рявкнул Ракитин, и в трубке запыкали короткие гудки.

Вот и поговорили. Ну что ж, у меня есть чем сегодня заняться. Например, выяснить, кто же все-таки звонил со скрытого номера? Очень, надо сказать, просвещенный, вернее, посвященный в тайные дела сыска персонаж. Кто бы это мог быть?.. Звонок означает только одно: этот незнакомец весьма заинтересован в результатах расследования, которое началось меньше суток назад... А это, в свою очередь, однозначно свидетельствует о том, что наш инкогнито, как мини-

мум, в курсе всех событий, а как максимум, непосредственный участник. И если вспомнить нашу содержательную беседу, получается, что мне звонил... убийца!

Здорово! Ладно, примем сей факт за аксиому. Что отсюда следует? А вывод напрашивается парадоксальный: дело расследовать надо, а убийцу ловить не надо. Тогда какое же дело расследовать?..

Я почувствовал, что очень близок к разгадке, но... в этот драматический момент мой мобильник радостно разразился «карибскими пиратами». И я не менее радостно обнаружил, что звонит «злой и нехороший» Ракитин. Одумался, значит?..

– Котов слушает.

– Димыч, ты просто не вовремя позвонил.

– Я уже понял...

– Тогда дуй прямо ко мне в офис. Сейчас.

Отбой. Нет, не одумался, просто действует по своему плану. А когда Ракитин действует по плану, его и бульдозером не свернешь. Ладно, мы не гордые. Нам важнее результат, а не нюансы.

Я заглянул на кухню и убедился, что мой Рыжик благо- разумно и тихо испарился по своим делам. На пустой тарелке красовалась салфетка с отпечатком губ, которые я готов был целовать хоть целую вечность. Зато на подоконнике в любимой позе сфинкса воздвигся второй рыжий житель нашей квартиры – мохнатый и нахальный, как и все его пле-

мя. При этом рожа у этого бандита выражала такую скорбь и призрение ко всему существу, что я не сдержался.

– Грэг, плутовская ты морда, признавайся, где нашкодил?

Кот, не меняя позы, покосился вниз и в сторону. Я проследил за его взглядом и увидел в углу, возле мойки огрызки колбасных шкурок, которые вчера лично засунул на самое дно мусорницы именно с целью спрятать их от соблазна подальше. Но самое интересное было то, что весь остальной мусор оказался на месте.

– Ну, ты прямо Копперфильд! – развел я руками. Грэг скромно потупился. – Хорошо, уговорил, – вздохнул я, вскрыл пакет «Китикэта» с телятиной и вывалил его целиком в кошачью миску. – Это тебе за сообразительность.

Грэг чинно и не спеша спрыгнул на пол, потянулся, обошел вокруг меня, шоркнувшись щекой о мою голую ногу, и лишь после этого подошел к миске. М-да, порода!.. Мэйнкун – это вам не мурка подзаборная, и даже не перс или там британец.

Я не утерпел и почесал кота за ухом.

– Приятного аппетита, сэр. Я пошел на работу.

Грэг муркнул что-то неразборчивое, и я кинулся в ванную приводить себя в порядок.

* * *

«Офисом» Ракитин называл свой старый кабинет в левом

крыле управления криминальной полиции. Из него он переехал в новые апартаменты год назад после успешного завершения дела о похищении детдомовцев. Олегу тогда упала новая звездочка на погоны и внеочередное повышение в должности, а мне – устная благодарность, ну и премия за ненаписанную статью. По странной прихоти коменданта здания кабинет бывшего старшего оперуполномоченного не был передан его преемнику, капитану Велесову, а сохранен в первоначальном виде. Даже табличка каким-то образом уцелела! А Павел, человек совершенно не честолюбивый, довольствовался кабинетом напротив, который был в половину меньше и больше похож на карцер, нежели на рабочее место сыщика.

Ровно в восемь часов пять минут я вошел в такой знакомый и где-то даже любимый кабинет, с которым у меня тоже было связано множество приятных и не очень жизненных моментов. Внутри ничегошеньки не изменилось, будто я ушел отсюда только вчера. Все заинтересованные лица уже были в сборе. И если Павел с Данилой вели себя спокойно, то Гулицкий вертел головой, рискуя заработать хронический вывих шейных позвонков. Бывший хозяин кабинета сидел в своем бывшем кресле и курил, не глядя, стряхивая пепел в горшок с фикусом. Нежное тропическое растение, по видимому, пережило мощный адаптационный стресс, может быть, даже мутировало за то время, что мы над ним экспериментировали во время своих совещаний. Но выглядело оно весьма бодрым и жизнерадостным, вероятно, включив нико-

тин и прочие табачные отходы в свой обмен веществ.

Увидев меня, Олег загасил окурок в горшке и энергично потер руки, будто готовясь к тяжелой физической работе.

– Итак, все в сборе. Очень хорошо, господа сыщики. Начинаем работать. Данила, что у тебя новенького?

– Смерть наркокурьера, как я уже и говорил, наступила в результате острой кровопотери, связанной с разрывом аорты. Однако... выявленный посмертный уровень адреналина и его метаболитов оказался неестественно низок. То есть...

– ...смерть в результате сильного испуга исключается, – встрял я.

Ракитин бросил на меня уничтожающий взгляд, Гулицкий – удивленно-презрительный.

– Выходит, что так, – миролюбиво кивнул Седых.

– А как же выражение лица? – напомнил Велесов.

– Вот здесь-то и зарыта собака, – сказал я. – Мозг отреагировал на опасность, а тело не успело. Значит, смерть наступила раньше, и аорту разорвал не спазматический артериальный выброс.

– А что же? – насторожился Гулицкий.

– Некое дистанционное воздействие. Например, силовая биоэнергетическая атака, – невозмутимо пояснил я, наслаждаясь процессом обалдевания старлея.

– Котов, заткнись, – тихо сказал Ракитин. – Не мути людям мозги. – И прикурил очередную сигарету.

– Молчу-молчу...

– Ладно. Данила, запиши пока свои результаты в раздел необъясненных. Еще что-нибудь?

– Могу сказать по героину, – вмешался Гулицкий. Он справился с изумлением достаточно быстро. – Это афганский товар. Скорее всего из Кандагара или соседних районов.

– Кандагар?.. Это же где-то на самом юге Афганистана?!

– Точно. И это по-своему странно.

– Почему?

– Потому что у северных и южных эмиров до сих пор действовало четкое разделение сфер реализации. Южане ни разу за последние несколько лет не пытались освоить северный трафик. Вектор их сбыта – Индокитай, Филиппины, Северная Америка.

– Откуда же здесь взялся южный «герыч»?! – Седых в смятении почесал свои вихры.

– Это нам еще предстоит выяснить, – резюмировал Гулицкий. Он посмотрел на часы. – Вынужден вас покинуть, господа сыщики. Держите меня в курсе ваших поисков.

Старлей кивнул и стремительно вышел из кабинета.

– Фу-у! – выдохнул я. – Знаете, как звучит одна известная русская поговорка, если ее перевести на английский, а потом обратно? «Леди, покидающая экипаж, способствует увеличению его скорости».

Данила неприлично заржал, Велесов прыснул в кулак, а Ракитин даже бровью не повел.

– Лучше поведай нам, господин юморист, что вы там еще с Данилой накопили?

– О, мы вчера весь вечер занимались некромантией!

– Чем?!

– Некромантия – наука о жизни мертвых. – Я сделал невинное лицо. – Вернее, мы исследовали поствиталистические процессы в теле мертвого человека.

– Уволю, Котов! – раздалось знакомое рычание.

– На самом деле мы исследовали биоэлектрическую активность кожи покойного, – кинулся на мою защиту Данила. – Есть такой физический феномен – эффект Кирлиан, названный по имени его первооткрывателя. Так вот, с его помощью Дмитрий Алексеевич определил способ, каким убили нашего казаха.

– И что же это за способ? – насторожился Ракитин.

– Боюсь, он тебе не понравится, – сказал я.

– Ладно, выкладывай, – махнул Олег рукой и полез за сигаретами.

– Скорее всего это был удар типа «тигриной лапы» в кунфу, но с сильнейшим энергетическим выплеском, который, собственно, и разорвал несчастному аорту. Этот неизвестный «сенсей» просто-напросто закоротил парню анахату. Данила, покажи. – Седых с готовностью выложил перед Ракитиным снимок ауры казаха. – Изображение получено по методу Кирлиан, – продолжил я. – На нем ясно видно место пробоя – темное пятно, напоминающее по форме ладонь.

Примерно так и наносится удар «лапа тигра».

Олег долго вертел в руках снимок и курил, не произнося ни слова. Мы тоже все молчали. Наконец, снова загасив окурок в многострадальном горшке, Ракитин обвел всех внимательным, жестким взглядом и, постучав костяшками пальцев по снимку, произнес:

– Не знаю, как вы, но я очень хочу познакомиться с этим незаурядным господином и задать ему пару вопросов.

– Я бы тоже не отказался, – откликнулся я. – И предлагаю срочно запросить твоих коллег в Новосибирске, как там у них движутся поиски сбежавших «глотателя» и его «мамки».

– К чему такая спешка?

– К тому, что наш «сенсей»... или даже скорее Мститель, наверняка последовал за ними.

– А почему – Мститель? – поинтересовался Велесов.

– Потому что, Паша, он – адепт древнего культа, который предписывал своим последователям бороться с любыми посягательствами на священную жизнь человека. А наркотики, особенно героин, убили и убивают сотни тысяч людей ежегодно. И наш Мститель избрал себе путь борьбы с конкретным злом в виде наркоторговцев. Почему – это второй вопрос, и мы его ему обязательно зададим... при встрече. А пока...

– А пока ты прав, Димыч, – сказал Олег и решительно снял трубку телефона.

Я, на правах единственного гражданского лица на совеща-

нии, встал и принялся прохаживаться по кабинету, заглядывая во все углы, шкафы и тумбочки. Ну, не мог я дисциплинированно сидеть за столом с видом переростка-первоклассника и делать вид, что внимательно перечитываю бумаги в своей папке. Тем более что у меня ее и не было, в отличие от остальных. А было одно пакостное ощущение, что мной манипулируют. Правда, очень умело и аккуратно, создавая иллюзию моей полной самостоятельности. Но от этого делалось еще гадливее. И вот, чтобы избавиться от чувства марионетки, я усиленно рыскал по пыльным полкам и ящикам. И нашел!

– Олежек... пардон! Господин подполковник, вы только взгляните! – Я поднял на вытянутой руке перед собой электрический чайник. От старости и усиленной эксплуатации некогда белая пластмасса корпуса пожелтела, но в самом низу корпуса по-прежнему гордо блестела золотистая надпись «Tefal Gold». – Это же наш лучший друг и советчик еще со времен истории с полтергейстом в Заистоке!..

Тут я поднял на Ракитина глаза, увидел его напряженное и сосредоточенное лицо и тихонечко водрузил находку на журнальный столик в углу. Раньше здесь стояли два продавленных, но таких уютных кресла, а позади их, как часовой, возвышалась финиковая пальма в большой деревянной бочке. Олег очень внимательно слушал, что ему говорил собеседник из Новосибирска, а Павел с Данилой очень внимательно смотрели на шефа. Я присоединился к этому паноп-

тикуму, и тут же Ракитин произнес:

– Велесов и Котов, собирайтесь, поедете в Новосибирск... Да-да, я все понял, спасибо! – это уже в трубку. – Через пять часов мои сотрудники будут у вас.

Олег бросил трубку на рычаг и мрачно обвел нас взглядом.

– У них труп в метро.

– Наш?

– По описанию – да. Молодой казах.

– Второй «глотатель»?

– Вот поезжайте и разберитесь! – Ракитин в раздражении попытался закурить, но лишь сломал сигарету. Швырнул пачку на стол. – Настродал все-таки, предскажамус ты наш, – ткнул он в меня прокуренным пожелтевшим пальцем.

– Чего я предсказал?

– Мстителя своего!.. Все, выметайтесь. Дежурная машина у подъезда.

Мы с Велесовым молча направились к выходу. Когда Олег впадает в такое состояние, любое возражение или даже вопрос он воспринимает как личное оскорбление с соответствующими последствиями для источника.

– Давай поедем на моей «Витаре», – предложил я Павлу, когда мы вышли из здания, – а то еще заглохнем где-нибудь по дороге на вашей развалюхе.

– А тебе не тяжело будет рулить несколько часов? – засомневался вежливый Велесов.

– Фигня! Во-первых, не несколько, а от силы часа три, а во-вторых, не придется слушать ворчбу вашего Силыча на счет лимита на бензин.

– Хорошо, поехали, – кивнул Павел. – Заводи, я сейчас.

Он направился на служебную стоянку обрадовать водилу отменой поездки, а я подошел к своему полноприводному «Сузуки Гранд Витара» и ласково похлопал по крутому боку.

– Ну, что, Виташа, прокатимся в некоронованную столицу Сибири-матушки? – И нажал кнопку дистанционного запуска двигателя. Джип тут же отозвался мирным утробным урчанием мощного двухлитрового мотора. Одновременно включилась система предварительного прогрева салона.

В общем, когда Велесов вернулся, я уже сидел за рулем без куртки и крутил настройки аудиосистемы в поисках канала повеселее.

– Давай по пути заскочим в «Торговый двор», – предложил Павел, – там у них своя пекарня. Калачи и пончики – язык проглотить можно!

– Лады. И попить чего-нибудь захватим, не особо ядовитого. – Я вырулил на проспект и влился в негустой в этот ранний час поток машин.

* * *

До Новособа, как небрежно называли город коренные то-

мичи, мы добрались без происшествий. Все-таки полноприводный джип на зимней дороге – вне конкуренции. Долетели мы до сибирского мегаполиса ровно за два с половиной часа, поимев лишь один контакт с бдительными стражами дорожного движения в районе развилки на Юргу. Однако «корочки» Велесова моментально сняли все будущие вопросы. А вот в самом городе начались проблемы.

Движение в Энске (местное самоназвание) не в пример более интенсивное, а проблемы те же. В смысле, те же самые два «д»: дураки и дороги. Вдобавок мы оба плоховато знали географию и особенно транспортные потоки города. Поэтому потеряли еще почти час, чтобы достигнуть цели нашего путешествия – здания городского управления криминальной полиции. По дороге Павел несколько раз созванивался с коллегами по мобильнику, уточняя маршрут, но это мало помогло.

Когда же наконец мы вылезли из машины перед неприметным крыльцом серого четырехэтажного особняка с синей с золотом соответствующей вывеской, оба хотели только одного: попасть в туалет. Выпитая по дороге двухлитровая бутылка кваса настойчиво просилась наружу.

– Заместитель начальника оперативного отдела капитан Стрельцов, – отрекомендовался молодой парень в штатском, дожидавшийся нас в холле первого этажа.

– Старший оперуполномоченный капитан Велесов, – важно ответил Павел, пожимая коллеге руку.

Я хмыкнул – встретились «два капитана» – и тоже представился:

– Частный детектив Котов.

– Господин Котов активно сотрудничает с нами в этом деле, – поспешил пояснить Велесов в ответ на удивленный взгляд Стрельцова.

– Хорошо, – кивнул тот. – С чего начнем?

– Я бы сказал: с места преступления, – серьезно произнес я, – но, боюсь, это будет затруднительно в данном случае?

– Конечно, – улыбнулся Стрельцов.

– Тогда давайте отправимся на осмотр тела, а вы нам по дороге расскажете об обстоятельствах его обнаружения, – предложил Павел.

– Прошу, – местный капитан указал на выход. – Придется еще немного покататься. Судебно-медицинская экспертиза у нас в другом здании.

Мы уселись в обычный бело-синий патрульный «жигуленок», Стрельцов включил мигалку и лихо рванул поперек плотного потока на широкой улице.

– Вчера после звонка вашего шефа, – приступил капитан к рассказу, ловко лавируя между машинами, – мы поначалу схватились за голову: только залетных наркокурьеров нам и не хватало. Где их искать? Как?.. Ну, проверили прибытие автобуса от авиакомпании. Он довез пассажиров до гостиницы «Обь» и там высадил. Но всех ли? Допросили водителя – говорит, мол, уже в городе по дороге выходили несколько

человек. В том числе, по описанию, и ваши фигуранты. Где вышли, водила, конечно, не вспомнил. Где-то на Красном проспекте! Ищи-свищи их теперь...

– М-да, незавидная ситуация, – понимающе покивал Велесов. – И что же произошло дальше?

– А что – дальше? Ну, зарядили мы всех свободных оперативников проверить самые известные нам наркопритоны. Но вы же понимаете, что вероятность появления залетных на местных «точках» равна почти нулю. Не принято у них оказывать содействие. Разве что ваши попытались бы сбросить нашим товар. Но за каким лешим им это делать?..

– Например, если они почувствовали за собой погоню, – вставил я.

– Какую погоню?! Кто же за ними погнался? – покосился на меня Стрельцов.

– У нас есть рабочая версия, – вежливо пояснил Велесов, – что первое убийство, в Томске, совершил некий человек, объявивший личную войну наркодельцам. Мы назвали его Мститель. По нашей версии, он должен был направиться следом за намеченными жертвами, к вам, в Новосибирск, чтобы закончить начатое.

– Ни фиги себе! – присвистнул Стрельцов. – Понятно теперь, почему вы сорвались сюда. – Он виртуозно припарковался на переполненной площадке возле мрачного, облупленного здания с покрашенными и зарешеченными окнами первого этажа. – Прибыли, коллеги.

Мы без проблем прошли в здание и спустились в цокольный этаж, где, собственно, и располагался морг криминальной полиции. Хмурый эксперт в сине-зеленом комбинезоне провел нас в прозекторскую и откинул клеенку с одного из столов. Я увидел, как и ожидал, труп молодого казаха с искаженным ужасом лицом.

– Скажите, коллега, – обратился я к эксперту, так и не назвавшемуся при встрече, – а при покойнике ничего странного найдено не было?

– Вскрытия, как видите, мы еще не проводили, – буркнул тот. – Вас ждали, по-видимому. Так что можем приступать хоть сейчас.

– Вы не поняли, – терпеливо пояснил я. – Я имел в виду, что никаких необычных вещей вы при осмотре тела не нашли?

Эксперт внимательно осмотрел мою настороженную физиономию и пожал плечами.

– Ну, если не считать старого медальона, который был зажат у парня в правой руке, то ничего особенного.

– А где сейчас этот медальон?

– Приложен к описи вещдоков, – ответил вместо эксперта Стрельцов. – Вернемся в управление, я покажу.

– Тогда давайте вернемся.

– А на вскрытии не желаете присутствовать?

– Чего я там не видел? – пожал я плечами. – Все-таки врач с десятилетним стажем. А вот вам советую пригласить ко-

го-нибудь из ФСКН в качестве понятых.

– Это еще зачем?! – удивился Стрельцов.

– Потому что вы почти наверняка найдете у этого парня в желудке приятный сюрприз. Например, капсулки с белым порошком.

– Ёкарный бабай! – крикнул капитан. – Вы серьезно?

– Подтверждаю, – откликнулся Велесов. – У первого, его товарища, нашли аж пятьдесят восемь штук. И все – с «герычем».

– Ладно... – Стрельцов принялся лихорадочно набирать номер на мобильнике. – Вы тогда меня подождите там, на первом этаже... Я сейчас... Алло! Петр Ефимович?.. Стрельцов говорит. Я сейчас в судебке, готовим вскрытие вчерашнего трупа из метро... Да, так вот. По информации наших коллег из Томска...

Дальнейшего мы с Павлом не слышали, так как вышли из помещения.

– Если окажется, что соляр такой же, – сказал я, – тогда точно – Мститель. Другого объяснения просто нет.

– И что тогда будем делать? – Велесов остановился напротив входной двери в здание возле стенда со схемой эвакуации при пожаре.

– Ловить этого Мстителя. Идти по его следам...

Соляр был точной копией первого. Даже крохотная щербинка возле основания молнии имелась – след дефекта формы отливки. Стрельцов так и сяк вертел в руках знак Детей Солнца, хмыкал и вздыхал.

– И что делать-то будем?

– «Мамку» ловить надо, – сказал я, – пока его наш Мститель не грохнул. Кстати, «герыч»-то нашли?

– А то! – Стрельцов уважительно посмотрел на меня. – Вы прямо провидец. Пятьдесят две капсулы – как с куста!.. Ладно, давайте ловить вашу «мамку».

– Не поймаем, время уже упущено, – покачал головой Велесов.

– Но попробовать стоит, – не унимался я. – Проверьте вокзал и аэропорт. «Мамка» почти наверняка рванул обратно, на родину. Данные его у нас есть...

– Хорошо. А дальше?

– По результатам. Если еще не выехал, будем искать здесь. Если уехал, то куда?..

Стрельцов, проникшись ко мне большим уважением после обнаружения наркотика, развил бурную деятельность и зарядил на поиски почти весь свой отдел. И результат не заставил себя ждать. А я снова оказался прав. Системная проверка выявила «мамку» среди пассажиров авиарейса КС-218

Новосибирск – Астана авиакомпании «Эйр Астана».

Однако в самолет он не сел! Это подтвердили по официальному запросу уже вечером казахские коллеги.

– И где его теперь искать? – устало поинтересовался Велесов.

– Среди пассажиров «железки», – тоже без энтузиазма ответил я.

Стрельцов вздохнул, и мы отправились на вокзал.

Новосибирский вокзал – это особенное место. Начать с того, что, по архитектурному замыслу, прототипом здания вокзала стал старинный паровоз! Если присмотреться даже к нынешнему, современному облику здания, то действительно можно уловить общие черты между геометрически точными формами здания и транспортным средством, которому Новосибирск, по сути, обязан своим возникновением. А до 1932 года на месте сегодняшнего железнодорожного вокзала «Новосибирск-главный», который, кстати, считается одним из самых крупных в стране, вообще стояло ветхое одноэтажное здание! Ходили слухи, что новосибирский вокзал – точная копия с вокзала американского Чикаго. Вроде бы в эпоху «торжества социализма» Новосибирск хотели даже назвать Сибчикаго, потому что он развивался такими же рекордными темпами, как американский промышленный мегаполис.

Я в свое время, пребывая в журналистской ипостаси, активно собирал материал по истории Западной Сибири и, конечно, не мог обойти вниманием непризнанную столицу

края. Поэтому из того массива информации кое-что застряло в памяти до сих пор. Например, такой факт. В начале прошлого века площадь перед вокзалом наполнилась торговыми заведениями. В том числе в хрониках была отмечена такая комическая достопримечательность. В самом центре площади довольно долго имелась броская вывеска. Неграмотный артельщик по фамилии Монахов, плохо знакомый со знаками препинания, забыл поставить точку в предложении. И вот что вышло: «Принимаю коптить и солить монахов».

Наша троица заявила к начальнику вокзала и, предъявив свои полномочия, принялась шерстить базу данных пассажиров, купивших билеты на западное направление за последние сутки. Работа, не к столу будет сказано, дерьмовая. В смысле ее эффективности. Участники времен «золотой лихорадки» на Аляске, способные промывать до тонны песка в сутки, могут нервно покурить в туалете! Такое «перелопачивание пустой породы» им и не снилось.

Однако, как утверждает народная мудрость, терпение и труд все перетрут. Не прошло и часа, как Велесов воскликнул:

– Есть! Попался, голубчик.

– Какой он тебе голубчик? – деланно возмутился я, облегченно массируя натруженные глаза. – Это же сволочь преизрядная!.. Ну, и где он?

– Рымбаев Нурсултан Бикембаевич, гражданин Казахстана, купил билет до Челябинска на поезд номер пятьдесят

девять «Новокузнецк – Кисловодск». Отправление в пять пятьдесят девять утра местного времени, ежедневно.

– Когда купил? – спросили мы одновременно со Стрельцовым.

– Вчера...

– То есть почти сразу после убийства своего подопечного, – резюмировал капитан. – Быстро соображает!

– Значит, «мамка» сначала купил билет на поезд, – попытался я восстановить ход событий, – потом поехал в аэропорт и купил билет на самолет до Астаны... Что ж, действительно молодец.

– Однако, коллеги, – вдруг плотоядно улыбнулся Стрельцов, – получается, наш клиент еще не уехал?

– Э, нет, капитан, – вздохнул я и ткнул в монитор своего терминала. – Полюбуйтесь: билет на имя Рымбаева Н.Б. был перекомпостирован на поезд номер сорок пять «Улан-Удэ – Волгоград», который отбыл из Новосибирска буквально тридцать минут назад, в 23:47 по местному времени!

– Черт! – стукнул кулаком по столу Велесов. – Проворонили...

– Не расстраивайся, Паша, – сказал я, – мы бы его так и так упустили. Слишком хитер. И потом, это даже хорошо.

– В смысле?

– Ну, теперь мы сможем отследить его дальнейший путь.

– Мы?.. – Велесов горько усмехнулся. – Не забывай, я – лицо официальное. Мне требуется разрешение, согласован-

ное с начальством того региона, куда я собираюсь отправить-
ся. Иначе все мои действия окажутся нелегитимными.

– Зато мои – в любом случае правомочны.

– Ну, это смотря чем ты станешь заниматься...

– Ладно, господа сыщики, – вмешался Стрельцов, – каковы ваши дальнейшие планы?

– Возвращаемся в управление и связываемся с начальством, – отрубил Велесов.

Но наше «начальство» в лице господина подполковника решило по-своему. Когда мы с Павлом доложили Олегу о своих изысканиях и предложили свои кандидатуры для дальнейшего расследования, Ракитин вдруг стал жутко официальным и упертым.

– Капитан Велесов, вам надлежит вернуться в Томское управление и оформить командировку в Челябинск, предварительно обосновав такую необходимость. А тебе, Димыч, – почти ласково добавил Олег, – настоятельно советую действовать с оглядкой. Огрести неприятностей можно в один момент, а вот расхлебать их бывает трудновато.

– Спасибо, я это учту, господин подполковник, – сурово ответил я.

– Ну-ну, учти, – хмыкнул Олег и прервал связь.

Велесов после разговора выглядел сильно удрученным, поэтому я счел необходимым его подбодрить.

– Паша, не вешай нос! Я тебя обязательно дождусь в Челябинске, и мы вместе поедem брать этого неуловимого «мам-

ку». А то, глядишь, и самого Мстителя за вымя возьмем!

– Вы, Дмитрий Алексеевич, умеете вселять оптимизм, – вымученно улыбнулся Велесов. – Ладно, живы будем – не помрем. До встречи!

Он ушел, а я вернулся в гостиницу и попытался уснуть. На удивление, мне это удалось почти сразу.

Глава 4

Северный Афганистан. Бадахшан.

Февраль 201... года.

Пробуждение нельзя было назвать приятным. Фархад, еще не проснувшись окончательно, почувствовал дикий голод. И не менее сильную жажду. Фляга на поясе оказалась пустой, хотя Фархад ясно помнил, что, когда вошел в этот древний храм, воды оставалось больше половины. Пошарив по карманам, он нашел пару сухарей и маленький «язычок» бараньей бастурмы, высохший до каменного состояния. Не торопясь и тщательно размачивая еду слюной, Фархад съел все до последней крошки. Голод немного утих, зато пить теперь хотелось невыносимо. Эмир попробовал лизнуть прохладный камень стен – сухо. Впрочем, этого следовало ожидать, иначе как бы здесь смогло так долго сохраниться тело старика.

Фархад, вспомнив свой странный сон, оглянулся на алтарь и... не увидел никакого тела! Он даже головой потряс – ничего. Спотыкаясь, поднялся на возвышение. Большой плоский камень был пуст. Хотя нет, на светлой и гладкой поверхности отчетливо проступали более темные пятна. Если приглядеться, создавалась иллюзия тени человеческого тела на камне. Словно человек сам невидим, но тень отбрасывает. Фархад даже рукой провел и вздохнул с облегчением – дей-

ствительно пусто. Но ведь был же старик!..

Эмир прекрасно помнил все подробности сна и встречи, там, со стариком. Почему-то Фархад теперь знал, что это был последний живой Сын Солнца, вошедший в состояние бардо¹³, позволяющее неограниченно долго находиться на грани между жизнью и смертью. Он был когда-то жрецом храма Детей Солнца, и в какой-то момент обнаружил, что остался один. Что остальные члены общины либо погибли, либо бежали, спасаясь от преследований безумных последователей пророка Мохаммеда. И тогда Сын Солнца ушел в это тайное место, чтобы дожидаться преемника и передать ему все знание, заветы и тайны Детей Солнца. И он дождался...

Фархад вспомнил о своем новом предназначении и решительно направился к выходу из храма. Он шел так, словно жил здесь и знал каждый закоулок, каждый проход. Эмир лишь раз остановился, чтобы напиться из каменной чаши, вырубленной в стене коридора, куда стекал прямо из камня тонкий ручеек изумительной, кристально чистой воды.

¹³ Бардо (тиб.), или Антарабхава (санскр.) – промежуточное состояние, буквально «между двумя»; обычно в йогических практиках трактуется как состояние сверхглубокого транса, похожего на смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.